

РУТ
ДРЮАР

ПОКА
ПАРИЖ
СПАЛ

Рут Дрюар

Пока Париж спал

Серия «Звезды зарубежной прозы»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64150806

*Рут Дрюар Пока Париж спал:
ISBN 978-5-17-127493-1*

Аннотация

Париж, 1944 год. Молодую женщину заталкивают в поезд, направляющийся в Аушвиц. В отчаянии она доверяет самое драгоценное, что у нее есть, незнакомцу, оставив себе в утешение только надежду и мечту, которой вряд ли суждено сбыться.

Санта-Круз, 1953 год. Жан-Люк – человек, который отчаянно хочет спрятаться от своего прошлого. Но шрам на его лице – это вечное напоминание о том, какой ценой ему удалось выжить в оккупированной нацистами Франции.

Когда тени прошлого решают напомнить о себе, его новая счастливая жизнь рушится. И теперь Жан-Люку ничего не остается, как столкнуться с кошмарами памяти и вновь сделать выбор, который изменит не только его самого, но и судьбы тех, кто ему дорог.

На той самой платформе, откуда уходили поезда смерти, две судьбы переплетутся, и выбор, который сделает каждый, изменит будущее так, как никто и не мог себе представить.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	69
Глава 10	73
Глава 11	80
Глава 12	91
Глава 13	99
Глава 14	104
Глава 15	110
Глава 16	114
Глава 17	120
Глава 18	131
Глава 19	135
Глава 20	140
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Рут Дрюар

Пока Париж спал

Ruth Druart

WHILE PARIS SLEPT

First published in the English language by Headline Publishing Group Limited.

Печатается с разрешения издательства Headline Publishing Group Limited

Серия «Звезды зарубежной прозы»

Перевод с английского Софьи Кругликовой

Оформление обложки Василия Половцева

© 2021 Ruth Druart

© Кругликова С., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Иеремии, Иоакиму и Дмитрию – моим
вдохновителям*

И в память о моей бабушке Диане Уайт

*Пожертвуем одним днем, чтобы выиграть,
быть может, целую жизнь.*

Виктор Гюго. «Отверженные»

Часть первая

Глава 1 Жан-Люк

Санта-Круз, 24 июня 1953 года

Жан-Люк подносит бритву к щеке, рассматривая свое отражение в зеркале ванной комнаты. Поначалу он не узнает себя. Остановившись с бритвой, застывшей в воздухе, он вглядывается в свои глаза, не понимая, в чем дело. Теперь в нем появилось что-то американское. Это заметно по его здоровому загару, белым зубам и чему-то еще – но он не может определить, чему именно. Может, дело в том, как уверенно он держит подбородок? Или в том, как улыбается? Так или иначе, ему это нравится. Американские черты – это хорошо.

Он возвращается обратно в спальню с обмотанным вокруг талии полотенцем. Какое-то темное пятно на улице привлекает его внимание. За окном он видит «Крайслер», который движется вверх по дороге и останавливается за дубом, прямо перед его домом. Странно. Кому надо приезжать сюда в семь утра? Погрузившись в свои мысли, он не сводит глаз с машины, но запах масла и теплых блинчиков, доносящийся

снизу, зовет его завтракать.

Он входит на кухню и целует Шарлотту в щеку, треплет сына по волосам в знак приветствия. Бросает взгляд в окно и видит, что машина все еще там.

С водительского сиденья вылезает долговязый мужчина, вытянув шею, он оглядывается вокруг – прямо как пеликан, думает Жан-Люк.

С пассажирского сиденья выходит коренастый мужчина. Они направляются к дому.

Звонок в дверь нарушает утреннюю тишину. Шарлотта поднимает голову.

– Я открою.

Жан-Люк уже направляется к выходу. Снимает цепочку и открывает дверь.

– Мистер Боу-Чемпс? – спрашивает человек-пеликан без тени улыбки.

Жан-Люк рассматривает его: темно-синий костюм, белая рубашка и плоский галстук, высокомерный взгляд. Обычно он не обращает внимания, когда его фамилию произносят неправильно, но почему-то сегодня утром его это особенно задевает. Может потому, что на его пороге стоит какой-то мужчина.

– Бошам, – поправляет он. – Это французская фамилия.

– Мы знаем, что она французская. Но мы ведь в Америке.

Глаза человека-пеликана сужаются, когда он переступает порог в своих блестящих черных ботинках. Он заглядывает

за плечо Жан-Люка, его шея хрустит, когда он поворачивается и наклоняет голову набок, чтобы посмотреть на навес, под которым припаркован их новенький «Нэш 600». Одна сторона его рта кривится.

– Я мистер Джексон, а это мистер Брэдли. Мистер Боу-Чемпс, мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

– О чем? – спрашивает он, стараясь подчеркнуть свое удивление, но его голос звучит фальшиво – на октаву выше, чем нужно.

До входной двери доносятся стук тарелок, которые ставят на стол, легкий смех сына. Знакомые звуки отдаются эхом, и Жан-Люку они кажутся давно забытым сном. Он закрывает глаза, цепляясь за исчезающие очертания. Крик чайки возвращает его в настоящее. Сердце гулко бьется под ребрами, как пойманная в клетку птица.

Коренастый мужчина, Брэдли, наклоняется вперед и понижает голос:

– Вы ведь попали в окружную больницу шесть недель назад после автомобильной аварии? – Он вытягивает шею, словно надеясь таким образом собрать информацию о том, что происходит в этом доме.

– Да. – Пульс Жан-Люка становится чаще. – Меня сбила машина, она слишком резко выехала из-за угла. – Он замолкает, переводя дыхание. – Я потерял сознание. – Жан-Люку приходит на ум имя доктора – Висман. Он засыпал Жан-Люка вопросами, когда тот только начал приходить в себя,

когда его сознание еще было затуманено.

– Как давно вы живете в Америке? – спросил он. – Откуда этот шрам у вас на лице? Вы родились всего с двумя пальцами на левой руке?

Брэдли кашляет.

– Мистер Боу-Чэмпс, мы хотели бы, чтобы вы проехали с нами в здание городского муниципалитета.

– Но зачем? – Его голос хрипит.

Они стоят так, будто держат его в осаде, заложив руки за спину и выпятив грудь вперед.

– Нам кажется, будет лучше обсудить это там, а не здесь, у вас пороге, на глазах у соседей.

Скрытая в этих словах угроза заставляет все внутри Жан-Люка сжаться в комок.

– Но что я сделал?

Брэдли поджимает губы.

– Это всего-навсего предварительное расследование. Мы могли бы обратиться за помощью в полицию, но на раннем этапе мы бы хотели... Мы хотим напрямую прояснить факты. Я уверен, вы все понимаете.

«Нет, не понимаю! – хочется кричать Жан-Люку. – Я не знаю, о чем вы говорите».

Но вместо этого он соглашается и тихо бормочет:

– Дайте мне десять минут.

Захлопнув дверь прямо перед их лицами, он возвращается на кухню.

Шарлотта кладет блинчик на тарелку.

– Это был почтальон? – спрашивает она, не поднимая глаз.

– Нет.

Она поворачивается к нему, хмурится, на лбу у нее залегает тонкая морщинка, ее глаза сверлят его.

– Два следователя... Они хотят, чтобы я поехал с ними и ответил на несколько вопросов.

– Насчет аварии?

Он отрицательно качает головой.

– Не знаю. Я не знаю, чего они хотят. Они не говорят.

– Не говорят? Но они должны. Нельзя же просто так просить тебя поехать с ними, не объяснив зачем.

Она бледнеет.

– Шарлотта, не волнуйся. Думаю, мне лучше сделать так, как они говорят. Понять, в чем дело. Это всего лишь допрос.

Их сын перестает жевать и смотрит на них, слегка нахмурившись.

– Я уверен, что скоро вернусь.

Голос Жан-Люка звучит фальшиво, как будто кто-то другой произносит эти слова утешения.

– Не могла бы ты позвонить в контору и сказать им, что я задержусь?

Он поворачивается к сыну:

– Хорошего дня в школе.

Все замирает. Будто затишье перед бурей. Мужчина быст-

ро поворачивается и выходит из кухни. Непринужденно. Он должен вести себя непринужденно. Это всего лишь формальность. Что им вообще может быть нужно от него?

Десять минут. Ему не хочется, чтобы они снова звонили в дверь, поэтому он бежит в спальню, открывает ящик шкафа и смотрит на свои галстуки, которые свернулись в нем, как змеи. Достает синий в крошечную серую крапинку. Внешний вид очень важен в такой ситуации. Жан-Люк берет куртку и спускается с лестницы.

Шарлотта ждет его у входа на кухню, прикрыв рот рукой. Он убирает ее руку, целует холодные губы, смотрит в глаза. Затем кричит:

- Пока, сынок!
- Папочка, пока. Скоро увидимся!
- До встречи, крокодил.

Его голос дрожит, и ему снова не удастся попасть в нужную октаву.

Жан-Люк чувствует, как Шарлотта смотрит ему в спину, пока он открывает входную дверь и следует за мужчинами к их черному «Крайслеру». Он делает глубокий вдох, набирая воздуха. Вспоминает, что слышал, как посреди ночи началась гроза; чувствует, что земля стала мягкой от воды, которая уже начинает испаряться. Скоро станет жарко и влажно.

Никто не произносит ни слова, пока они проезжают мимо знакомых домов с большими открытыми лужайками до самого тротуара, мимо газетных киосков, булочной, лавки с

мороженым. Мимо жизни, которую он успел полюбить.

Глава 2

Шарлотта

Санта-Круз, 24 июня 1953 года

Я все еще смотрю в окно, хотя черная машина уже давно скрылась из виду. Время как будто замерло. Не хочу, чтобы оно двигалось вперед.

– Мам, кажется, пахнет горелым.

– *Merde!* – Я хватаю сковородку с плиты и бросаю почерневший блинчик в раковину. Мои глаза слезятся из-за дыма.

– Я приготовлю тебе другой.

– Не надо, спасибо, мама, я наелся.

Сэм спрыгивает со стула и выбегает из кухни.

Я осматриваюсь: остатки прерванного завтрака на столе вгоняют меня в панику. Но мне необходимо взять себя в руки. Я медленно поднимаюсь по ступеням и направляюсь в ванную. Умываюсь холодной водой, потом надеваю вчерашнее платье и спускаюсь вниз.

Сэм бежит вокруг меня, пока мы идем в школу.

– Мам, как ты думаешь, о чем эти мужчины будут спрашивать папу?

– Не знаю, Сэм.

– Что бы это могло быть?

– Я не знаю.

– Может быть, это связано с ограблением.

– Что?

– Или убийством!

– Сэм, замолчи.

Он тут же перестает прыгать и плетется, еле волоча ноги. Мне становится стыдно, но сейчас есть заботы поважнее.

Когда мы подходим к школе, остальные матери уже возвращаются домой.

– Привет, Чарли! Ты сегодня припозднилась. Забежишь на кофе чуть позже? – доносится голос Мардж из толпы.

– Конечно. – Мне приходится соврать.

Я оставляю Сэма и задерживаюсь у ворот, чтобы дать остальным уйти вперед. Когда вижу, что они уже достаточно отошли, то медленно бреду домой, одиночество постепенно поглощает меня. Так и подмывает присоединиться к ним за чашечкой кофе, но я знаю, что могу не удержаться и ляпнуть что-нибудь лишнее. Есть шанс, что никто не видел, как сегодня утром за Жан-Люком приехала машина, но если кто-то видел, у меня должна быть готовая история. Они захотят услышать все подробности. Да, лучше избегать любого контакта.

Дома я хожу из комнаты в комнату, взбиваю подушки на диване, мою посуду, оставшуюся после завтрака, перебираю журналы на кофейном столике. Напоминаю себе, что волноваться не о чем, это никому не поможет. В конце концов, его просто увезли на допрос. Нужно чем-то заняться, чтобы от-

влечь себя. Я могла бы подстричь газон, чтобы Жан-Люку не пришлось этого делать.

Обуваю свои садовые ботинки и достаю газонокосилку из гаража. Я видела, как Жан-Люк дергает веревку сбоку, чтобы она включилась, поэтому тоже тяну за нее. Ничего не происходит. Я снова тяну, на этот раз внутри что-то поворачивается, но тут же останавливается. Теперь я дергаю сильнее и резче. И вот она уже несется вперед и тянет меня за собой. Ужасно пахнет бензином, хотя мне и нравится этот запах.

Ритм газонокосилки успокаивает, и мне жаль, что работа быстро заканчивается. Я убираю косилку и возвращаюсь в дом.

Возможно, гостинной не помешает уборка. Я достаю пылесос из-под лестницы и вспоминаю, что уже пылесосила вчера. Обессиленно падаю на пол, все еще сжимая толстую трубу от пылесоса в руке.

Прошлое наваливается на меня. Жан-Люк никогда не разрешает мне говорить об этом. В свойственной ему прагматичной манере он велел мне оставить прошлое позади, там, где ему и место. Как будто все так просто. Я пыталась, правда пыталась, но невозможно контролировать свои сны. Мне снятся моя мама, мой папа. Дом. Еще долго после пробуждения эти сны заставляют меня тосковать по семье, и это все омрачает. Я пыталась связаться с ними: однажды я написала родным, когда мы только обосновались здесь и нашли себе жилье. Мама написала в ответ короткое, отрывистое письмо,

в котором говорилось, что папа еще не готов меня увидеть. Он еще не до конца меня простил.

Я возвращаюсь на кухню и выглядываю в окно, мечтая, чтобы Жан-Люк поскорее вернулся. Чтобы его отпустили с допроса, не обнаружив ничего подозрительного. Но я вижу лишь пустую улицу.

От звука мотора мой пульс учащается. Я наклоняюсь вперед, так, что мой нос почти прижимается к окну, всматриваясь изо всех сил. Господи, пожалуйста, пусть это будет он.

Мое сердце уходит в пятки, когда я замечаю знакомую синюю шляпку, выплывающую из-за угла: это Мардж идет к своему дому. Она возится с сумками, полными покупок, пока один из ее близнецов гоняется за другим около машины. Она смотрит в мою сторону. Я резко прячусь за кружевные занавески. Секреты и ложь. Что мы действительно знаем о жизни наших соседей?

Я совсем не хочу натолкнуться на кого-нибудь сегодня. Если хоть кто-то видел черную машину, то все матери уже в курсе. Так и вижу, как они выдвигают гипотезы, восторженно это обсуждают. Нет, мне надо скрыться, отдалиться. Я могла бы ездить за покупками в другой город, где точно никого не встречу; в какой-нибудь огромный многолюдный магазин, вроде одного из этих больших супермаркетов.

Я беру свою сумочку, снимаю ключи с крючка возле входной двери и забираюсь в машину быстрее, чем кто-либо может меня заметить. Я еду на север по прибрежной дороге с

опущенными стеклами, и ветер развеивает мои волосы. Мне нравится быстрая езда, это дает ощущение свободы и независимости. Можно притвориться кем угодно.

Через полчаса я замечаю вывеску магазина «Лаки». Съехав с шоссе налево, следуя указателям и вижу парковку, забитую фургонами. Передо мной бургерная и карусель. Сэму бы здесь очень понравилось, может, надо привезти его сюда в какую-нибудь субботу и провести здесь день. Обычно я стараюсь избегать таких больших супермаркетов, предпочитаю маленькие магазины рядом с домом, где могу попросить продавца фруктов дать мне самые свежие яблоки, а мясника – самый нежирный кусок. Они всегда стараются и выбирают лучший товар в благодарность за то, что мне не все равно.

Мне неудобно в гигантском магазине с этими бесконечными полками, переполненными яркими упаковками. Домохозяйки в пышных юбках, на высоких каблуках и с накрученными волосами толкают огромные тележки, доверху забитые банками и консервами. Меня наполняет ностальгия, тоска по дому, по Парижу.

Курица, говорю я себе, вот что я приготовлю сегодня, курицу с лимоном. Это любимое блюдо Жан-Люка.

Две упаковки куриной грудки, пол-литра молока и четыре лимона выглядят потерянными и несчастными на дне продуктовой тележки, когда я подхожу к кассе. Мне неловко, но я так и не смогла сосредоточиться и понять, что еще нам понадобится на этой неделе.

Кассир странно на меня смотрит.

– Вам помочь упаковать, мэм?

Она что, издевается? Я отрицательно качаю головой.

– Нет, спасибо. Справлюсь.

Мой живот громко урчит, когда я убираю одинокий коричневый пакет в багажник. Забыла позавтракать. Может, мне стоит съесть бургер, но от одной этой мысли мне скручивает живот. Вместо этого еду домой и молюсь, чтобы Жан-Люк уже вернулся.

Я паркую машину на подъездной дорожке и бегу к входной двери. Она заперта. Значит, внутри его нет. И с чего я взяла, что он будет там? Все равно он бы сразу поехал на работу. Он наверняка волновался из-за того, что опоздал.

Уже три часа. Надо забирать Сэма через тридцать минут. Может, сегодня лучше прийти позже? Появись я рано, и мне придется обмениваться шутками с другими мамами. Сын мог бы дойти до дома сам – некоторые дети так и делают – но мне нравится забирать его, это моя любимая часть дня. Когда я была ребенком и жила в Париже, все мамы всегда приходили за своими детьми и приносили с собой багет с кусочками темного шоколада внутри. Ждать его в конце учебного дня – что-то вроде семейной традиции. Но сегодня, в первый раз, я опоздаю на пять минут. Это значит, что мне надо как-то убить еще четверть часа.

Я кладу курицу в холодильник и мою руки, чищу ногти старой зубной щеткой с подоконника. В голове звучит голос

моего отца: «Чистые ногти говорят о том, что человек умеет следить за собой, – так он говорил, когда видел, что у меня грязные ногти. – То же самое с обувью, – часто добавлял он, – ты можешь судить о человеке по его ногтям и его обуви».

Только не в Америке, сказала бы я ему сейчас, если бы увидела, в Америке тебя судят по волосам и по зубам.

Я убираю зубную щетку на место, смотрю в окно, особо ни на что не рассчитывая. На улице никого. Мой живот снова урчит. Голова кружится. Мне надо съесть что-то сладкое. Достая с верхней полки банку, заворачиваю в фольгу печенье для Сэма, а другое разламываю пополам для себя. Я откусываю кусочек, опасаясь, что желудок снова скрутит, но от печенья мне становится легче, и я съедаю и вторую половину.

Проходит двадцать минут. Я поднимаюсь наверх, в нашу спальню, и сажусь за туалетный столик. Достая из верхнего ящика расческу с натуральной щетиной и до блеска расчесываю волосы. Зеркало говорит мне, что я все еще привлекательная: ни морщин, ни седых волос, никакой обвисшей кожи. Снаружи все в полном порядке. Только моему сердцу как будто уже лет сто.

Я поднимаюсь и разглаживаю покрывало, сшитое Амишами в Пенсильвании: сотни идеальных шестиугольников соединены друг с другом вручную. Наша первая совместная поездка. Сэм только научился ходить, но еще некрепко стоял на ногах и иногда падал. Помню, как бежала перед ним,

чтобы в случае чего поймать.

Осталось десять минут. Я спускаюсь вниз и снова брожу по комнатам. Наконец открываю входную дверь. Яркий солнечный свет ослепляет, и я возвращаюсь за шляпкой. Пока я иду по садовой дорожке, чуть ли не впервые, задаюсь вопросом: почему американцы так любят оставлять двор открытым, не обносят его забором или кирпичной стеной? Кто угодно может подойти прямо к дому и заглянуть в окно. Это так сильно отличается от французских дворов, всегда окруженных высокой стеной или густыми кустами, которые как бы сообщают незванным гостям, что их здесь не ждут.

Жан-Люку нравится здешняя открытость. Он говорит, то, что произошло во Франции, здесь бы никогда не случилось, потому что здесь все честны друг с другом. Никто бы не сдал своего соседа и потом не побежал бы прятаться за закрытой дверью, пока того арестовывают. Мне не нравится, когда он так идеализирует свою новую родину. Не могу избавиться от ощущения, что это предательство по отношению к Франции. Годы голода, страха, лишений – эти вещи могут превратить хорошего человека в плохого.

– Чарли! – Мардж зовет меня со двора напротив, прерывая мои мысли. – Где ты была сегодня? Мы пили кофе у Дженни. Мы думали, ты придешь.

– Извините. – Мое сердце замирает, и я прикрываю рот тыльной стороной руки, чтобы скрыть ложь. – Мне нужно было съездить за покупками. Я ездила в «Лаки».

– Что? Ты поехала в такую даль? Мне казалось, ты ненавидишь эти гигантские супермаркеты. Надо было сказать. Я бы съездила с тобой.

– Извини, что пропустила кофе.

– Ничего. Мы собираемся у Джо в пятницу. Слушай, я хочу попросить у тебя кое о чем. Ты не могла бы забрать сегодня моего Джимми? Мне нужно отвезти Ноа к врачу. У него температура, и мне никак не удастся ее сбить.

– Конечно.

Я пытаюсь улыбнуться, но чувствую себя так, будто предаю соседей, которых знаю много лет.

– Спасибо, Чарли!

Она широко улыбается.

Пока иду к школе, вспоминаю, как тепло к нам отнеслись соседи, когда мы только приехали в Санта-Круз девять лет назад. В течение первой недели нас пригласили в гости не только на аперитив, но и на барбекю. Меня до глубины души тронуло то, как местные собираются компаниями, их громкие, веселые голоса, уверяющие, что они так счастливы познакомиться с новой семьей. Жан-Люку дали огромную кружку пива, мне – бокал белого вина, как только мы вышли во двор. Они возились с Сэмом, нашли ему место в тени под деревом, постелили там его детское покрывало и разложили игрушки. Это не выглядело как формальность, дань приличиям, я этого не заметила. Все и всё было таким открытым, и как только первый кусок мяса был готов, гости окружили

гриль. Мне было очень приятно, когда кто-то протянул мне тарелку, на которой уже была еда. Мы сидели там, где нам нравилось, двигая деревянные стулья от одной компании к другой.

В Париже все было иначе. В те редкие разы, когда мои родители принимали гостей, они заранее составляли план рассадки. Гости терпеливо и тихо ждали, пока хозяин распределит места. И напитки никогда не подавались, пока все без исключения гости не приедут. Мама всегда жаловалась на то, как неприлично опаздывать и заставлять всех ждать целый час, чтобы выпить. Как бы то ни было, война положила конец таким обедам.

Здесь же как будто не было никаких правил. Женщины свободно разговаривали со мной, не стеснялись смеяться. Мужчины подшучивали – говорили, что мой акцент звучит сексуально. Я была очарована, а Жан-Люк и подавно. Он влюбился в Америку с самого первого дня. Даже если он когда-то и скучал по дому, то никогда не говорил об этом. Ему все казалось чудесным и удивительным: изобилие еды, приветливость людей, легкость, с которой можно было купить все что угодно.

– Это американская мечта, – все время повторял он. – Мы должны научиться идеально говорить по-английски. Самюэлю будет легко, английский будет его первым языком, он сможет помочь нам.

Вскоре Самюэль стал Сэмом, Жан-Люк – Джоном, а ме-

ня стали называть Чарли. Мы стали американскими версиями себя. Жан-Люк говорил: это значит, что нас приняли и в знак благодарности за такой теплый прием мы должны прекратить говорить на французском. Он считал, иначе покажется, будто мы не хотим стать частью этого общества. Поэтому мы говорили только на английском, даже между собой. Конечно, я понимала его, хотя меня сильно огорчала невозможность петь Сэму колыбельные, которая моя мама пела мне. Это еще больше отдаляло меня от моей семьи, моей культуры, это поменяло наш способ общения, наш способ существования. Я все еще любила Жан-Люка всем сердцем, но все было иначе. Он больше не шептал мне *mon coeur, mon ange, mon trésor*. Теперь это было «дорогая», «милая» или и того хуже – «детка».

На пустой игровой площадке раздается звонок. Он прерывает мои мысли. Дети толпой выбегают на улицу, с шумом разыскивая своих матерей. Сэма очень легко узнать по его блестящим темным волосам, выделяющимся на фоне светлых голов. Его оливковая кожа и тонкие черты выдают в нем другие корни. Один сосед однажды сказал, что такие длинные ресницы потрачены впустую на мальчика. Как будто красоту вообще можно потратить впустую. Странная мысль.

Сэм смотрит по сторонам, улыбаясь, прямо как Жан-Люк. Он уже слишком большой – девять лет, чтобы мчаться мне навстречу, как раньше; сначала он заканчивает разговор с

друзьями и только потом медленно подходит, изо всех сил изображая непринужденность.

Я целую его в обе щеки, прекрасно осознавая, насколько ему будет неловко, но не могу удержаться. И вообще – немного смущения время от времени только поможет сформировать его характер.

– Скажи Джимми, что он пойдет с нами, – говорю я.

– Здорово.

Он убегает, но неожиданно останавливается и возвращается назад.

– А папа уже дома?

– Еще нет.

Не сказав ни слова, он идет искать Джимми.

Когда ребята возвращаются, я достаю шоколадное печенье и делю его на две части. Джимми мигом проглатывает свою половинку.

– Дома есть еще, – говорю я.

– Ура!

Джимми бежит вперед.

– Ну же, Сэм!

Но Сэм идет рядом со мной.

Джимми убегает, исчезая за поворотом. Я кладу руку на плечо Сэма.

– Не беспокойся, скоро папа будет дома.

– Но чего хотели эти люди?

– Поговорим позже.

– Буу!

Джимми выпрыгивает на нас из-за угла.

Мое сердце уходит в пятки, я вскрикиваю.

Джимми истерично смеется.

– Простите, – выдавливают он между смешками.

Когда мое сердцебиение приходит в норму, я притворяюсь, что мне тоже смешно, чтобы снять возникшее напряжение.

Джимми берет Сэма за руку, и они убегают.

Дома я ставлю банку с печеньем на кухонный стол перед мальчиками.

– Ешьте столько, сколько хотите.

Джимми округляет глаза и улыбается до ушей.

– Ого, спасибо!

Наблюдая за тем, как они уплетают печенье, я успокаиваюсь.

– Мама, это самое вкусное печенье из всех.

В уголках рта у него крошки. Джимми согласно кивает, он положил в рот так много печенья, что не может говорить.

– Хочешь, приготовлю такое для всего класса? – предлагаю я.

– Ну уж нет, только для нас. – Сэм смотрит на меня жадным взглядом.

Мне хочется потянуться и прижать его к себе, сказать, что ему не о чем волноваться. Что моя любовь к нему глубже океана и что она будет длиться целую вечность. Вместо этого

я начинаю готовить ужин: натираю цедру лимонов, выдавливаю из них сок, смешиваю сок с цедрой. Я нарезаю куриные грудки, потом вымачиваю их в маринаде. Я не следую какому-то определенному рецепту, просто мама всегда так готовила курицу для воскресного обеда еще до войны.

Глава 3

Жан-Люк

Санта-Круз, 24 июня 1953 года

Они останавливаются перед зданием муниципалитета. Джексон выключает двигатель и с минуту сидит неподвижно, рассматривая Жан-Люка в зеркале заднего вида. Затем двое мужчин выходят с передних мест и ждут, пока выйдет Жан-Люк. Но он совсем не торопится, даже испытывает искушение дождаться, пока один из них откроет ему дверь. Это бы позволило взглянуть на происходящее под другим углом. Детали имеют значение. Брэдли раздраженно стучит по стеклу костяшками пальцев. Резкий звук заставляет внутренности Жан-Люка сжиматься от страха. Почему он так боится? Это совершенно нелогично, он не сделал ничего плохого. Он наклоняется, дергает дверную ручку и выходит из машины в лучи утреннего солнца.

Они молча поднимаются по ступенькам, входят в здание через большие двойные двери.

Еще рано, и поэтому вокруг них нет ни души. Они ведут его вниз по лестнице по тускло освещенному коридору и заводят в комнату без окон. Брэдли щелкает выключателем, флуоресцентная лампа жужжит и мигает, прежде чем наполнить комнату ярким белым светом. Огнеупорный стол и три

пластиковых стула на металлических ножках – единственные предметы в комнате.

– Это может занять какое-то время.

Брэдли достает из нагрудного кармана смятую пачку сигарет и стучит ей по столу.

– Присаживайтесь.

Он предлагает открытую пачку Джексону. Они закуривают и смотрят на Жан-Люка.

Жан-Люк садится, скрестив руки на груди, но, спохватившись, выпрямляет их и пытается улыбнуться. Он хочет дать им понять, что готов сотрудничать и готов рассказать все, что они хотят знать.

Мужчины стоят, их лица не выражают никаких эмоций. Жирная кожа Брэдли блестит в свете флуоресцентной лампы, лоснящиеся красные оспины теперь особенно видны. Он затягивается, наполняя легкие сигаретным дымом, а затем медленно выдыхает, и на секунду в комнате повисает густой туман.

– Мистер Боу-Чэмпис, откуда у вас этот шрам на лице? Довольно необычный.

Жан-Люк напоминает себе, что в таких ситуациях лучше не нарываться. Податливость – лучшая тактика, он не должен выглядеть так, будто защищается. Не спорь. Оставайся спокойным. Он чувствует, как струйка пота стекает по ребрам.

– Я получил его во время войны, – бормочет он.

Брэдли смотрит на Джексона, приподнимая бровь.

– Где? – спрашивает Джексон.

Жан-Люк колеблется, пытаясь понять, может ли он рассказать историю, которую использовал все это время, ту, где его ранило осколком во время бомбардировки Парижа. Но интуиция подсказывает ему, что ложь сейчас не поможет.

Брэдли наклоняется вперед и пристально смотрит ему в глаза.

– Что вы делали во время войны?

Жан-Люк смотрит прямо на него.

– Я работал в Бобины – на железной дороге.

Брэдли приподнимает густую бровь.

– Дранси?

Жан-Люк кивает.

– Концлагерь в Дранси?

Он снова кивает. Он чувствует себя загнанным в угол, будто его заставляют соглашаться с чем-то, что не отражает всю историю целиком.

– Откуда тысячи евреев были отправлены на смерть в Аушвиц?

– Я просто работал на железнодорожных путях.

Жан-Люк удерживает зрительный контакт, он не хочет быть первым, кто отведет взгляд.

– Чтобы поезда уходили по расписанию.

– Я просто выполнял свою работу.

Лицо Брэдли становится еще ярче и краснее.

– Просто выполняли свою работу? Это мы уже слышали. Но ведь вы были там, не так ли? Вы помогали им, пособничали?

– Нет!

– Дранси был транзитным лагерем, так ведь? И вы помогали им перевозить евреев в Аушвиц.

– Нет! Я хотел остановить их! Даже пытался вывести рельсы из строя. И попал в больницу из-за этого.

– Неужели? – произносит Брэдли с насмешкой.

– Это правда, клянусь.

Глава 4

Жан-Люк

Париж, 6 марта 1944 года

По прошествии четырех лет жизнь в оккупации стала для них привычной.

Кто-то адаптировался лучше, кто-то хуже, но Жан-Люк по-прежнему каждый день просыпался с неутихающим чувством тревоги. В то утро он с трудом выбрался из постели, чтобы отправиться на дежурство на станцию Сен-Лазар, но в этот раз начальник станции не выдал ему сумку с инструментами, как делал обычно. Вместо этого он многозначительно посмотрел на него.

– Сегодня ты должен отправиться в Бобиньи.

– Бобиньи? – повторил Жан-Люк.

– Да. – Начальник посмотрел ему в глаза. Они оба знали, что значило отправиться в Бобиньи.

– Я думал, эту станцию закрыли.

– Ее закрыли для пассажирских поездов, теперь она служит для других целей.

Начальник замолчал, давая Жан-Люку осмыслить услышанное.

– Это ведь рядом с транзитным лагерем Дранси? – Голос Жан-Люка задрожал, а сердце бешено застучало. Он пытал-

ся найти выход.

— Да, и рельсы нуждаются в ремонте. Нам приказали от-
править туда шесть работников. — Он сделал паузу. — Не смей
что-то выкинуть там. Теперь боши заправляют там всем. По-
старайся не показывать им свою руку.

Жан-Люк работал на государственную железнодорожную
компанию с тех пор, как ушел из школы шесть лет назад,
когда ему было пятнадцать. Но, как и все остальное, теперь
железная дорога принадлежала немцам. Он отвернулся и су-
нул свою изуродованную руку в карман. Он даже не задумы-
вался об этом. То, что он родился только с большим и ука-
зательным пальцами на левой руке, никогда и ни в чем ему
не мешало.

— Им такие штуки не по душе.

Взгляд его начальника смягчился.

— Ты работаешь так же хорошо, как и остальные, даже луч-
ше, но бошам нравится, когда все... Ну, ты знаешь. Ты ведь
не хочешь, чтобы они отправили тебя в один из трудовых
лагерей.

Жан-Люк вытащил больную руку из кармана и сжал ее
здоровой рукой, внезапно смутившись.

Его отец был хорошим другом начальника станции, и эта
дружба помогла ему получить первую работу, несмотря на
его дефект. Ему пришлось хорошенько потрудиться, чтобы
доказать свою пригодность, но вскоре коллеги и начальство
поняли, что это никак не влияет на его сноровку, он может

крепко зажать что угодно между большим и указательным пальцами левой руки, а работать своей здоровой рукой.

– А мне... мне обязательно ехать?

Он спрятал руки обратно в карманы.

Начальник слегка приподнял бровь, затем отвернулся и ушел. Жан-Люку ничего не оставалось, как последовать за ним к армейскому грузовику. Они крепко пожали друг другу руки, и он залез в кузов. Там уже было пятеро мужчин, он кивнул им, но не произнес ни слова.

Пока они ехали по пустынным улицам, мужчины осматривали грузовик, пытаясь оценить друг друга, все с мрачными лицами. Жан-Люк подумал, что никто из них не испытывал особого желания работать так близко к печально известному лагерю. Туда отправили тысячи евреев, некоторых коммунистов и членов Сопротивления. Никто не знал, что случилось с ними потом, хотя были слухи. Ходило много слухов.

Они мчались по пустынным улицам Парижа, затем на северо-восток, в сторону Дранси; по пути им время от времени попадались другие военные машины. Жан-Люк наблюдал, как их водитель-француз здоровался с ними, когда они проезжали мимо. Коллаборационист! Он точно знал. Это была такая игра, в которую он играл сам с собой – угадать, кто сотрудничал с немцами, а кто нет. Хотя зачастую грань была размытой. У него были друзья, которые покупали вещи на черном рынке. Но кто владеет черным рынком? Обычно только у самих бошей и у тех, кто с ними сотрудничал, был

доступ к определенным товарам. Это была серая зона, и он предпочитал брать предметы только тогда, когда точно знал, откуда они – будь то кролик или голубь, подстреленный другом, или овощи от знакомых с фермы.

Выбоина на дороге вернула его в настоящее. Жан-Люк посмотрел на остальных мужчин в грузовике, но встретил только пустые взгляды. Прошли времена открытой, непринужденной дружбы между коллегами. Прошли времена веселой болтовни молодых людей, только получивших новую работу. Мрачное молчание – вот все, что осталось.

Молчание. Это было что-то вроде оружия, единственное оружие в арсенале Жан-Люка. Он отказывался разговаривать с бошами, даже если они выглядели дружелюбно и вежливо спрашивали дорогу. Он просто игнорировал их. Еще он брал свой билет на метро и складывал его в форме буквы V, прежде чем бросить на землю в одном из туннелей. V означало Victoria – победа. Эти незначительные акты неповиновения – все, что ему оставалось, но они ничего не меняли. Он отчаянно хотел сделать что-то большее.

Когда боши захватили национальную железную дорогу, он был непреклонен.

– Я не буду работать на этих ублюдков. Я увольняюсь, – сказал он своим родителям всего через несколько недель после начала оккупации.

– Ты не можешь.

Его отец крепко сжал плечо сына, давая понять, что то,

что он собирается сказать, не подлежит обсуждению.

– Они найдут способ наказать тебя. Они могут отправить тебя куда-то воевать. Сейчас ты хотя бы в Париже, и мы вместе. Давай подождем и посмотрим, что будет.

Папа. Каждый раз при мысли о нем Жан-Люк одновременно испытывал стыд и тоску. Он выполнил то, о чем просил его отец: работал на бошей, но это не устраивало его, и он обижался на отца за то, что тот заставил его стать приспособленцем. И действительно, все было так, как он себе представлял: поначалу боши были вежливыми и профессиональными, но со временем это сменилось на презрение и господство. А чего еще можно было ожидать? Его поражали невежество и наивность людей, предполагавших, что они могут оказаться не так уж плохи.

А потом, летом 1942 года, они сделали нечто, после чего ни у кого не осталось никаких сомнений. Они начали отправлять французских мужчин на принудительный труд в Германию. Папа был одним из первых. Однажды он получил бумаги, и уже на следующей неделе его увезли.

У Жан-Люка не было ни времени, ни слов, чтобы сказать ему, что он сожалеет обо всем, что любит и уважает его. Его не научили языку, на котором говорят о таких вещах.

Глядя в окно, он заметил два поразительно высоких здания высотой в пятнадцать этажей минимум. За ними было здание в форме буквы U.

– *Voilà le camp!*

Водитель посмотрел на них в зеркало заднего вида.

– Довольно непривлекательный, да? Он был построен для бедных, но стройку еще не успели закончить, когда пришли немцы, и они решили превратить его в это... Бедные люди.

Жан-Люк не понимал – иронизирует он или нет. Его тон был небрежным, даже насмешливым.

– Тысячи евреев ждут переселения, – продолжил он, поворачивая за угол и переключая передачу. – Лагерь ужасно переполнен.

Жан-Люк снова посмотрел на это здание в форме буквы U, высотой в четыре этажа и окруженного колючей проволокой. На двух смотровых вышках стояли часовые с винтовками.

– Куда их увозят? – рискнул спросить он.

– В Германию.

– В Германию? – Он попытался говорить небрежным тоном.

– Ага. У них там куча работы. Ну, ты знаешь, с перестройкой.

– Перестройкой?

Теперь он чувствовал себя попугаем. Но, кажется, водитель ничего не заметил.

– Да. Ну ты знаешь, разруха из-за войны. Англичане продолжают бомбить их.

– А что с женщинами и детьми? Их тоже увозят?

– Так точно. Им же нужен кто-то, чтобы готовить и зани-

маться хозяйством. Тем более это делает мужчин счастливее, как думаешь?

— А что со стариками?

Водитель пристально посмотрел на Жан-Люка в зеркало заднего вида.

— Ты задаешь слишком много вопросов.

Жан-Люк оглянулся на своих товарищей по работе, гадая, о чем они сейчас думают, но все они очень внимательно изучали свои ботинки. Еще несколько минут мужчины ехали в неловком молчании, а потом водитель продолжил:

— Боши не такие уж плохие. Они нормально к тебе относятся, пока ты трудишься и не выказываешь симпатии евреям. Они могут даже выпить с тобой. За дорогой есть приятное небольшое кафе, мы часто ходим туда выпить пива. Они обожают пиво!

Он остановился.

— Когда я начал работать здесь, два года назад, тут вообще не было немцев, но, думаю, они решили, что мы недостаточно усердно работаем, поэтому послали сюда Бруннера и его людей.

Он промолчал.

— Ну, вот мы и приехали. Вы будете жить здесь.

Водитель развернулся, сел прямо и поставил машину перед одной из высоток.

Мужчины в кузове переглянулись, на их лицах промелькнула тревога. Сколько им предстоит работать здесь? Жан-

Люк знал, его мать подумает, что его арестовали или забрали в рабочий лагерь. Он должен связаться с ней, или она с ума сойдет от волнения. Их осталось только двое с тех пор, как отца отправили в Германию. Они стали ближе, и она полагалась на него во всем: от финансовой до моральной поддержки. Это воспитало в нем чувство ответственности и помогло стать настоящим мужчиной.

Охранник, вышедший навстречу, сунул им небольшие рюкзаки, когда они выпрыгнули из грузовика, а затем повел их к одному из блоков. Лифт отвез их к номерам на пятнадцатом этаже – самом верхнем в этом здании. Выглянув в окно, они обнаружили, что смотрят прямо на лагерь. Жан-Люк взглянул на серое небо, а затем вниз, на крошечные дороги внизу, на железнодорожные пути, извивающиеся по направлению в город и от него. Но никаких поездов видно не было.

Он как раз разбирал свой маленький рюкзак, в котором лежали пижама и зубная щетка, когда в комнату вошел бош.

– Добро пожаловать, – сказал он по-немецки. – Добро пожаловать в Дранси.

Жан-Люк кинул сумку на кровать и повернулся к нему.

Бледное лицо солдата выглядело нездоровым, а его тонкие губы казались совсем бесцветными. Он был молод, вероятно, ему не больше двадцати. Жан-Люк недоумевал: о чем они думают, когда посылают детей в Дранси? Но все равно не улыбнулся юнцу и не сказал ему ни слова. Просто после-

довал за ним из комнаты к лифту.

Тот же самый водитель ждал их снаружи в том же самом грузовике.

– *Salut, les gars!* – сказал он по-французски, так, будто они были старыми друзьями. Жан-Люк презирал его за это.

На этот раз, когда они проезжали мимо лагеря, Жан-Люк вытянул шею, гадая, что там внутри и вспоминая истории о допросах и депортациях, которые ему довелось слышать. Водитель остановился около небольшой станции, обернулся к ним и бросил синие комбинезоны.

– Вот, вы должны надеть это. Вы же не хотите, чтобы вас спутали с заключенными!

Пока они шли через станцию, Жан-Люк все удивлялся, почему вокруг так тихо и куда подевались поезда. Его взгляд блуждал по платформе. Какой-то коричневый предмет привлек его внимание. Он подошел ближе. Это был плюшевый мишка, сплюснутый так, будто ребенок использовал его как подушку. Чуть дальше он увидел открытую книгу, ее страницы развевались на ветру.

– *Schnell! Schnell!*

Чья-то рука толкнула его в спину. Жан-Люк, споткнувшись, пошел вперед, к другим мужчинам, входившим в дом начальника станции. Внутри было тихо, только кнопки печатной машинки стучали вдали, там, где сидели женщины в форме с прямыми спинами, выстукивая слова.

– Имя? – рявкнул стоящий за стойкой бош.

– Жан-Люк Бошам.

Он записал имя в своем реестре, а затем задержал взгляд на Жан-Люке чуть дольше, чем следовало. Тот отвел взгляд, ощущая стыд за то, что стоит здесь, перед этим бошем, отчитывается о работе.

– Работать хорошо. Не разговаривать.

Бош все еще смотрел прямо на него.

Жан-Люк понимающе кивнул.

– Теперь иди проверять пути. Если они плохие – плохо работаете. Инструменты в будке на платформе.

Жан-Люк пожал плечами и отвернулся, не сказав ни слова.

Глава 5

Жан-Люк

Париж, 24 марта 1944 года

Дни превращались в недели, устанавливались рутинные обычаи и порядки. Их день начинался в восемь утра, был получасовой перерыв на обед в полдень, а заканчивали они в шесть, когда темнело. Жан-Люк должен был осматривать рельсы, проверять, чтобы шпалы не были слишком изношены, чтобы стыковые накладки, соединявшие рельсы друг с другом, были на месте, и чтобы все болты были плотно затянуты. Другой человек проверял его работу. Если он упускал что-то, то ему урезали и без того скудную зарплату и тогда приходилось работать лишний час при свете факела. Зато в воскресенье был выходной, и в субботу вечером он садился на поезд в Ле-Бурже, пассажирской станции Дранси, и ехал в Париж, чтобы навестить свою мать.

К вечеру он был измотан, он уставал так сильно, что даже если бы хотел, не пошел бы пить кофе в кафе напротив лагеря. Но он не хотел. Да и кто хотел бы общаться с бошами? Поэтому предпочитал держаться особняком, читать книгу в своей комнате при свете маленькой настольной лампы. Остальные мужчины тоже почти все время держались обособленно. Но иногда потребность в живом общении

собирала их вместе, и они встречались в одной из комнат. Неизбежно разговор заходил о станции.

– Как это возможно, что мы не видели ни одного поезда? – Марсель затянулся сигаретным окурком.

– Они отправляются до рассвета. – Жан-Люк оглядел спальню. Вокруг были пустые серые стены, взгляды всех присутствующих были прикованы к бетонному полу. Он понимал их нежелание участвовать в разговоре. Любой из присутствующих мог быть коллаборационистом, засланным, чтобы шпионить за ними.

– Да, но почему? – Марсель наконец-то оставил в покое свою сигарету, давая крошечному окурку проскользнуть между пальцами и упасть на холодный пол.

– Потому что они не хотят, чтобы мы их увидели. – Жан-Люк достал из смятой упаковки сигарету «Житан» и протянул Марселю. Он почти сочувствовал его желанию понять, что происходит прямо у него под носом. – Они высылают заключенных, – продолжил он, – возможно, тысячи заключенных.

– *Merci.*

Марсель быстро взял сигарету, кивая в знак благодарности.

Жан-Люк чувствовал, как его сверлят глаза других мужчин. Никто не раздавал драгоценные сигареты вот так – ни за что. Жан-Люк сам не курил, но предпочитал всегда иметь при себе пачку как раз для таких случаев. Это снимало на-

пряжение. Он предложил открытую пачку всем по очереди.

– Но почему они держат это в секрете? – продолжил Марсель, уставившись на свою сигарету так, будто не мог поверить своему счастью. – Мы все знаем, что они делают.

Жан-Люк обвел взглядом мужчин. Такие спокойные. Такие бесхитростные. Такие тихие. Вдохнув, он решил отбросить осторожность:

– Как ты думаешь, почему они не хотят, чтобы мы видели? А?

Тишина в комнате стала тяжелее, стала давить на него, заставляя чувствовать себя беспомощным, бессильным. Он шагнул к Марселю, положил ему руку на плечо, наклонился так, что его губы оказались рядом с ухом Марселя:

– Потому что мы можем начать задавать вопросы. Если бы мы действительно *знали*, что происходит, мы бы сошли с ума.

– Сошли с ума? – закричал Фредерик. – *Putain!* Да мы уже свихнулись! Они захватили нашу чертову страну. Свихнулись – это еще мягко сказано.

Его глаза как у дикого зверя метались по спальне. Но никто не хотел встречаться с ним взглядом. Все переминались с ноги на ногу. Кто-то кашлянул. Кто-то другой выдохнул сигаретный дым. Тишина становилась гнетущей.

– А так ли это? – Жан-Люк заговорил тихо и размеренно. – Действительно ли мы свихнулись? А что тогда мы сделали, чтобы показать это?

Он замолчал, прекрасно понимая, что разговор становится опасным, но он уже не мог сдержаться.

– Господи, да мы же теперь работаем на них!

Он снова замолчал, заметив, что Филипп стоит, прислонившись к стене, с пустым взглядом.

– Мы в этом не виноваты. У нас не было армии, чтобы дать им отпор, – спокойно заговорил Жак из угла комнаты. – Не было нормальной армии, а теперь вообще никакой нет.

– Ну, у нас есть де Голль в Лондоне, – едко добавил Фредерик.

– Это просто замечательно.

Жак шагнул вперед.

– Но куда они везут их? – Марсель обвел взглядом комнату.

Мужчины снова уставились в пол.

– Куда-то очень далеко, – голос Жан-Люка стал каким-то неестественным, как будто он рассказывал что-то выдуманное, – куда-то подальше от цивилизации.

– Точно! – Фредерик плюнул на пол. – Потом они меняют французского машиниста на боша на границе. Они не хотят, чтобы мы знали, куда они их везут. Они не хотят, чтобы мы знали, потому что... – Он замялся.

– Потому что? – Марсель уставился на него.

– Я не знаю. – Фредерик отвел взгляд.

– А ты что думаешь? – Взгляд Марселя обратился к Жан-Люку.

– Я устал, вот что я думаю. Я иду спать. – Жан-Люк хотел закончить этот разговор прежде, чем кто-то из них скажет вслух то, о чем они все думают. Сейчас за слова могут арестовать.

– Но, черт возьми, эти поезда – это же вагоны для скота! – продолжил Фредерик. – И все эти личные вещи, которые мы потом находим на платформе, когда поезд уезжает. Я уверен, что боши позволяют им думать, что они берут с собой какие-то вещи, чтобы устроиться на новом месте, а потом...

В комнате воцарилось гнетущее молчание, когда они представили дальнейшую судьбу заключенных.

– *Putain!* Они их убивают.

Фредерик ударил рукой по стене.

– Я знаю это.

Жан-Люк обернулся на Филиппа, но он стоял с таким же каменным лицом. Он снова посмотрел на Фредерика, понимая, что пора заканчивать этот разговор. Они все рисковали, вот так запросто обсуждая это.

– Мы этого не знаем. Мы ничего не знаем. Не знаем наверняка.

Глава 6

Жан-Люк

Париж, 25 марта 1944 года

По субботам он мог уезжать из лагеря. Как только рабочий день заканчивался, он садился в Ле-Бурже на поезд до Парижа. Ему нравилось выходить на станции метро Бланш, смотреть на Мулен Руж, прежде чем подняться вверх по улице Лепик, где он жил со своей матерью.

Но в тот вечер он был не готов мириться с отсутствием отца в квартире. Еще не готов. Поэтому он зашел выпить стаканчик пастиса в кафе на углу.

— *Salut*, Жан-Люк! — Тьерри налил ему крепкого анисового напитка, поставив рядом стакан с водой. Жан-Люк налил в напиток немного воды и стал наблюдать, как его пастис становится мутно-желтым. Положив локти на барную стойку, Тьерри начал разминать руками шею, будто она болела.

— *Quoi de neuf?*

— Чего новенького? — Жан-Люк сдвинул брови. — Насколько мне известно, ничего.

Тьерри наклонился ближе.

— Какие-нибудь новости от отца?

— Два месяца назад мы получили письмо, в котором он просил нас отправить ему теплые носки и еду. Он говорит,

что в порядке, только похудел и постарел.

– Просто ужасно вот так забирать людей. Мне повезло, что я оказался слишком стар для них, а тебе... а тебе повезло, что им нужны были железнодорожные работники. Но как же нам продолжать нашу жизнь здесь? Здесь некому больше возделывать землю.

– Да-да, я знаю. – Этот разговор происходил уже в сотый раз.

– Принудительная трудовая служба... Да пошла она в задницу! Это принудительный труд для бошей.

– Конечно, но мы хотя бы знаем, что он в Германии. – Жан-Люк поставил стакан обратно.

Он делал все что мог, пытаясь заменить отца, но маленькая квартирка, которую они теперь делили с матерью, казалась почти пустой, как будто на месте отца осталась зияющая дыра в стене, через которую в комнаты задувал ледяной ветер. Каждое воскресенье они с матерью ходили на службу в Сакре-Кёр и ставили свечу за отца. Жан-Люку нравилось воображать, что маленький огонек придавал ему мужества, где бы он ни был. Жан-Люк часто думал о нем, но эти мысли делали его угрюмым и меланхоличным. Отец был таким сильным, независимым человеком, и одна мысль о том, что ему приходится подчиняться бошам и их жестокости, заставляло сердце Жан-Люка сжиматься от жалости. Он этого не заслужил.

Тьерри понизил голос:

– Не беспокойся. Он вернется. Ты слышал про американцев?

– Что?

Он наклонился еще ниже и понизил голос до шепота несмотря на то, что в кафе больше никого не было:

– Они собираются высадиться во Франции! Ага! Они собирают войска, а потом они на самом деле высадутся здесь и прогонят нацистов.

Жан-Люк уставился на него, гадая, где он мог такое услышать.

– Ну, будем надеяться, что это правда.

Он допил свой пастис одним глотком.

– Повторить? – Тьерри уже снимал крышку с бутылки. – И тогда все бедные семьи, которых они выслали, смогут вернуться, и твой отец тоже.

– Будем надеяться. – Жан-Люк покрутил пастис на дне стакана.

– Может, и Коэны скоро вернутся. Их сын, Александр, был маленьким непоседой, настоящим возмутителем спокойствия. Я бы хотел снова его увидеть.

В этот момент в кафе показались два боша, и Жан-Люк ушел, не допив напиток. Когда он покинул кафе, его охватило одиночество. Внезапно он почувствовал острую тоску по своей бывшей девушке. Они встречались почти год, и у него были серьезные намерения, он даже собирался сделать ей предложение. Ему нравилось, что она хотела наслаждаться

ся жизнью в полной мере, несмотря на войну. Она любила танцевать и, кажется, всегда знала, когда будет следующий *bal clandestin*. Ему тоже нравились эти подпольные танцы, казалось, что они были чем-то вроде небольших побед над бошами. Она говорила, чтобы он не волновался, когда отца увезли, ведь это была всего лишь Германия, им нужны рабочие руки, поэтому они позаботятся о нем как следует. Жан-Люк внимал ее словам и позволял себе поверить им, но шло время, и он начал в них сомневаться. Начал сомневаться, что увидит отца вновь. А потом и вовсе впал в уныние и замкнулся в себе. Как он мог наслаждаться жизнью, зная, что его отец голодал и замерзал где-то в чужой стране. Он не мог.

Когда он начал отказываться ходить танцевать, его возлюбленная все равно шла, с друзьями. Он должен был знать, что это вопрос времени, как скоро она встретит кого-то другого, но успокаивал себя тем, что вокруг не было достойных мужчин. Он надеялся, что она нашла себе не вонючего коллаборациониста или, и того хуже, боша. Она не говорила, кто он, но, естественно, не могла бы поступить настолько глупо. Горизонтальное сотрудничество – так презрительно называли это люди, как будто они были морально выше этого. Мы все в той или иной мере виновны в коллаборационизме, он бы назвал это коллаборационизмом во имя жизни. Каждый обязан был выжить за тех, кто не смог.

Пастис пробудил в нем чувство голода, и он с нетерпением

ждал обеда. Мама всегда откладывала свой недельный паек, чтобы приготовить ему настоящий обед с овощами и, если особенно везло, с голубем. По воскресеньям после службы они ели у кого-нибудь из соседей или у себя дома. Все приносили что могли: овощи с огорода, маринованные огурцы, заготовленные в прошлом году, а иногда кто-то приходил и с восторгом доставал мясо из бумажного пакета; добычу, которую поймал кто-то из друзей или они сами. Момент, когда мясо доставалось из упаковки, был священным, и все замолкали в предвкушении. Всегда казалось, что разделенного с другими обеда хватало на дольше.

Но теперь эти трапезы стали для него тяжелой ношей. Он чувствовал, что ему нечего сказать, а соседские сплетни отталкивали его своей мелочностью. Казалось, что их больше волнует, кто добыл масло на черном рынке или кто поймал кролика, чем кто был убит. Их болтовня не имела никакого смысла, а если они и поднимали тему обысков, то она никогда ни к чему не приводила. Он чувствовал, что теряется сам в себе, будто он не мог вспомнить, кем он был или кем должен быть.

В это воскресенье все обедали у Франклинов. Брат месье Франклина был на охоте за городом и вернулся с двумя кроликами. Рагу из кролика вышло отличным, и в кое-то веки они, набив животы мясом, вели более оживленные беседы.

Его мать начала разговор:

– Когда эта чертова война закончится, как вы думаете,

останется ли хоть немного вина?

Месье Франклин тут же ответил:

– Мари-Клэр, ты же знаешь, что мы припрятали немного.

– Ничего такого я не знаю.

– Ха! Отлично. Тогда и я не знаю. Но когда эта чертова война закончится, мы спустимся и достанем его, да?

– Я пью за это. – Его мать подняла стакан с водой.

– Ну, Жан-Люк, как дела на новой работе? – Месье Франклин перевел взгляд с матери на сына.

Жан-Люк почувствовал, как участился его пульс, так бывало всякий раз, когда кто-то упоминал его работу.

– Слишком близко к бошам, на мой взгляд.

– *Mais qui*, ты в самом эпицентре, не так ли?

– Что там на самом деле творится? – вмешалась мадам Франклин.

Жан-Люк с минуту смотрел на нее, разглядывая ее тонкие губы и птичьи глаза. От нее ничто не ускользало, и он знал – что бы он ни сказал, она повторит это завтра в очереди за едой.

– Не знаю. – Он посмотрел в окно, избегая испытывающего взгляда матери.

– Да ладно тебе, приятель. Хоть что-то ты должен знать. Что они делают со всеми этими заключенными? Куда они их увозят? – Месье Франклин, прищурившись, уставился на Жан-Люка.

– Я ничего не видел. Я никогда не вижу поезда или заклю-

ченных...

– Я слышала, что это вагоны для скота, а не настоящие пассажирские поезда, – перебила мадам Франклин. – И что заключенным приходится лежать на соломе, как животным.

Она всегда знала больше, чем кто-либо другой.

– Я слышала что-то подобное, – добавила мадам Кавалье. – И еще что там нет туалетов. И им приходится писать в ведро.

– Это омерзительно! Откуда вы знаете это? – Его мать впервые подала голос. – Это наверняка преувеличено.

Мадам Кавалье пожала плечами.

– Ты видела, на что они способны. Давайте не будем забывать: они арестовали тысячи людей, разве нет?

– Следовательно, они должны и высылать их тысячами. – Месье Франклин повернулся к Жан-Люку: – может, ты мог бы выяснить, что они с ними делают?

– Что? – Жан-Люк уставился на него.

– Ну, ты ведь прямо там, в самой гуще событий. Ты что, не можешь разведать, что происходит?

– Я уже сказал, что никогда не вижу, как поезда отходят. Я начинаю работать уже после этого.

– А ты не можешь прийти туда пораньше?

– Нет! – Он замолчал, пытаясь успокоиться и говорить спокойным голосом. – Нас отвозит на станцию военный грузовик ровно в семь тридцать утра.

– Но ты ведь живешь рядом со станцией, разве нет? Ты

ведь может прогуляться туда? Посмотреть?

Жан-Люк нахмурился.

– Не знаю. – Он сделал паузу. – Это было бы опасно. Они следят за нами все время.

Он поднял взгляд и увидел разочарование на их лицах. Это заставило его почувствовать себя трусом.

– Может... может, если бы я встал очень рано и смог улизнуть, я смог бы увидеть, как отходит один из поездов.

Его мать ахнула и прикрыла рот рукой.

– Вот и молодец! – месье Франклин заулыбался. – Ты мог бы сделать фото. У меня есть камера.

Фото? Для чего оно? Он должен был рисковать жизнью ради чертового снимка? Должен быть какой-то другой способ.

Когда они вернулись домой, мать заварила отвратительный напиток из цикория и желудей. Он взял кружку из ее рук и притворился, что пьет.

– Мама, я тут подумал.

– О нет, – засмеялась она, – только не это.

– Нет, правда. Я должен сделать нечто больше, чем просто фото.

– Что ты имеешь в виду, сынок?

– Я должен что-то сделать. – Он закатил глаза. – Что-то действительно важное.

Она наклонилась вперед и прошептала:

– А что с Соппротивлением?

– Я там никого не знаю.

– Да, я тоже. – Она положила руку на его лоб. – Наверное, мы вертимся не в тех кругах.

Он поднял бровь.

– Об этом ведь так просто не спросишь кого-то, верно? Извините, а вы в Сопротивлении? А то я бы тоже хотел присоединиться. Я думаю, надо ждать, пока они с тобой свяжутся.

– С тобой никто не пытался связаться?

– Нет, мама. А с тобой?

Она покачала головой.

– Но знаешь, если бы попытались, я бы ни на секунду не задумалась. С другой стороны, на что им старая женщина?

Она была права. Это не старые женщины должны были воевать, а молодые люди, такие как он. Он не хотел воевать, он хотел остановить поезда, которые увозили заключенных бог знает куда. Но было еще обещание, которое он дал отцу перед отъездом.

Папа отвел его в сторону, пока мать пошла получать хлеб.

– Сын, пообещай мне одну вещь.

– Конечно.

– Пообещай мне, что позаботишься о своей матери, пока меня не будет.

Взгляд Жан-Люка не дрогнул, когда он посмотрел на отца.

– Обещаю.

– Теперь я могу спокойно ехать, зная, что вы двое будете

здесь в безопасности. Это поможет мне найти путь домой.

Они крепко обнялись на мгновение. Потом отец отпрянул, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Папа... Он ходил по своей комнате и разглядывал стены и книжные полки, которые его отец сам вырезал, отшлифовал и повесил. Книги были расставлены сначала по теме, потом от самой большой до самой маленькой, корешками вверх. Он мог упорядочить свою библиотеку, но не мог упорядочить свою жизнь.

Глава 7

Жан-Люк

Париж, 30 марта 1944 года

– Эй, ребята. Как дела сегодня? – Водитель посмотрел на мужчин в зеркало заднего вида.

Жак пожал плечами, Фредерик хмыкнул. Остальные промолчали, уставившись на свои ботинки, пока военный грузовик ехал по темным и пустынным улицам к станции Бобиньи.

– Не забывайте, нам повезло, – продолжил мужчина. – Все лучше, чем пахать в каком-нибудь трудовом лагере в Германии.

Жан-Люк посмотрел на него в зеркало. Почему он не может просто оставить их в покое? Чертов коллаборационист!

– Мы просто устали, – промычал Филипп, потирая глаза.

– Устали? Но ведь день еще не начался!

Он переключил длинную ручку коробки передач, раздался отвратительный скрежет. Жан-Люк вздрогнул, будто сопереживая коробке передач.

Водитель вздохнул.

– Сегодня вы можете устать еще больше.

Это замечание повисло в воздухе, словно ожидая, чтобы кто-то спросил почему.

Но никто не доставил ему такого удовольствия.

– Поезд сегодня отправился с опозданием.

Он поймал взгляд Жан-Люка.

– Да. Проблема с погрузкой пассажиров. Некоторые из них решили, что им лучше не садиться в поезд.

Он отвел взгляд от зеркала и снова переключил передачу, поворачивая за угол. В этот раз она переключилась мягко, и в грузовике воцарилась тишина. Им было интересно, что произошло, но никто не хотел участвовать в разговоре.

– Ну, – снова заговорил он, – платформа все еще вверх дном.

Он заехал на свое привычное место.

– Наконец-то, ребята. Давайте вылезайте.

Шестеро мужчин вылезли из грузовика, еле волоча ноги. Их плечи были опущены, как у побежденных солдат, которых уводят победители. Когда они ступили на платформу, порыв ветра пронес что-то светлое вдоль стенки платформы, а затем вверх, прямо Жан-Люку в лицо. Он услышал мальчишеский смех Марселя. Как он мог смеяться в такое время?

Но тут смех прекратился. Жан-Люк убрал этот предмет с лица и стал рассматривать его на расстоянии вытянутой руки. Это была ночная рубашка. Мягкая. Женская. Как она оказалась здесь? Парит по платформе как приведение. Он перевел взгляд с ночной рубашки на саму платформу. Он увидел красную туфлю-стилет с оторванным каблуком. Нарядную фиолетовую шляпку. Два черных котелка. Трость

для ходьбы. Пару сломанных очков. Фарфоровую куклу со сломанной ногой. Плюшевую обезьяну с торчащей из шеи розовой набивкой.

Все внутри него сжалось в тугой комок, к горлу подступила желчь. Он посмотрел на остальных пятерых мужчин, пытаясь угадать их реакцию. Филипп вдохнул, прежде чем отправиться в дом начальника станции, чтобы отчитаться. Фредерик побледнел и закрыл глаза. Остальные уставились в землю и поплелись прочь. Жан-Люк хотел, чтобы они сказали что-нибудь – что угодно, что могло бы помочь ему осознать происходящее. Но во всем этом не было никакого смысла. Мир просто сошел с ума.

Он оглянулся на платформу и стал осматривать ее. Крупный предмет на краю привлек его внимание. Инстинктивно Жан-Люк понимал, что он – слишком большой для мягкой игрушки или куклы, но похож на куклу. Он сказал себе, что это невозможно. Наверняка это большой плюшевый мишка. Да, очень большой мишка. Его разум помутился, и он смотрел вокруг себя так, будто находился в фильме и пленка замерла. А потом действие возобновилось, и теперь у него не осталось никаких сомнений.

– А ну-ка быстро в дом! – закричал постовой.

Он буквально ввалился в дом начальника станции. Кто-то сунул ему кусок хлеба в одну руку и кружку эрзац-кофе в другую. Он выронил и то, и другое. Когда кружка ударилась о землю и горячая жидкость выплеснулась наружу, он

посмотрел на ошарашенные лица окружавших его людей и с нетерпением стал ждать, что произойдет дальше.

Он почувствовал, как на его плечо опустилась дубинка, но не сделал ничего, чтобы защититься.

– *Achtung!* На выход! – заорал кто-то ему в ухо. – Живо, на выход! Очистить платформу.

Волочась по платформе, он начал поднимать разные предметы: две пары разбитых очков, туфлю-стилет, шляпку. Он уже подходил к концу платформы и чувствовал, что приближается к тому, что увидел ранее. Он поднял взгляд и осмотрелся. Но не увидел ничего. Может, ему просто почудилось? Да, наверное. Но тут он увидел, как группа мужчин тащит что-то по земле к мусорному контейнеру. Жан-Люк приблизился на несколько шагов, гадая, тащат ли они мешок с одеждой или мусор. Но в глубине души он понимал, что там ни то, ни другое. Он смотрел, как они поднимают мешок и кидают его в контейнер.

В тот субботний вечер он вернулся домой в оцепенении и отчаянии. Почти не замечая свою мать, он пошел напрямик к себе в спальню, в которой жил с самого рождения. Он сел на кровать и стал рассматривать книжные полки. «Три мушкетера» смотрели на него с издевкой. Будучи маленьким мальчиком, он представлял, что вырастет высоким и сильным и станет как один из мушкетеров – таким же лихим и отважным, чтобы его отец им гордился. Но не слабохарак-

терным мальчиком, каким он чувствовал себя сейчас.

Дверь скрипнула и приоткрылась, мама тихо зашла в комнату.

– Что случилось, сынок?

Жан-Люк посмотрел на нее, на небольшие морщинки вокруг ее рта, темные круги под глазами. Он знал, что не сможет сказать ей.

– Я так больше не могу. – Он замолчал. – Я не могу участвовать в этом.

– Знаю, что это трудно. Эта чертова война нам всем трудно дается.

– Ты не знаешь всего, мама. Ты просто не знаешь.

Она села на кровать рядом с ним и положила голову ему на плечо.

– Чего я не знаю? – Он потряс головой, будто мог вытряхнуть из нее эти знания. – Я хочу знать, что расстраивает тебя.

Он посмотрел ей в глаза, они беспокойно блестели.

– Нет, не хочешь. Правда.

– Дай мне самой решить. Я сильная женщина, ты же знаешь.

– Никто не может быть настолько сильным, мама.

– Ну же. – Она сжала ладонь его левой руки. – Ты всегда говорил со мной. Не прекращай сейчас. Мы нужны друг другу больше, чем когда-либо, и я вижу, что ты страдаешь.

– Они их убивают, – выпалил он. – Я видел, видел их на платформе. Тела. И ребенка. Мертвый ребенок лежал на

платформе.

Он почувствовал, как сидящая рядом мать напряглась. Она убрала руку и сжала ею другую так, что костяшки пальцев побелели.

– Ребенок? Ты уверен? Мы знаем, что они расстреливают взрослых, людей из Сопротивления, евреев-иммигрантов, но...

– Я видел его, мама, лежащего на платформе, когда поезд уже уехал. А потом он исчез.

– Может, тебе просто показалось. Ты сейчас много нервничаешь, вся эта работа на бошей, не удивительно. Тебе нужно отдохнуть.

Она подняла руку, чтобы обнять его за плечи, но он наклонился вперед и спрятал лицо у себя в руках.

– Я знал, что никто мне не поверит.

– Дело не в этом. Я верю в то, что ты думаешь, что видел ребенка, но ты уверен, что он действительно там был? Зачем, ради всего святого, им убивать ребенка?

Он убрал руки от лица и посмотрел на нее.

– А ты как думаешь? Как ты думаешь, зачем это все? Арестовать всех до единого евреев, отправить их на «переселение». Как ты думаешь, что они на самом деле с ними делают?

– Они отправляют их в трудовые лагеря.

– Что? Старых женщин? Старых мужчин? Детей? – Он умолк. – Они забрали только отца в рабочий лагерь, разве нет? Они не забрали тебя. Они даже не забрали меня. Хоте-

ли, чтобы я работал на железной дороге здесь, а тебя не забрали, потому что ты недостаточно сильная. Тогда почему они забирают всех евреев? Даже старых и слабых. От них не будет никакой пользы. – Мать потрясла головой. – Подумай об этом, мама.

– Нет, сынок. Ты заходишь слишком далеко. Ты должен прекратить думать об этом. От этого не легче.

– Не легче? – он вскочил с кровати, отчаяние сдавило ему горло и заставило его задыхаться, – Почему ты не видишь, что происходит?

Жан-Люк начал доставать книги с полки и швырять их на пол, одну за другой.

Ему было все равно, что теперь с ним случится. Он просто знал, что нужно было что-то делать.

Глава 8

Жан-Люк

Париж, 3 апреля 1944 года

– *Salut*, ребята, – кивнул им водитель, когда они забирались в кузов грузовика.

Как обычно, мужчины проигнорировали его. В обычной жизни, встречая одного и того же человека каждый день, Жан-Люк бы спросил его имя. Но он не хотел знать о нем ничего. Просто уставился в окно. Был один из типичных для ранней весны дней. Поднималось солнце, сияя на безоблачном небе, – яркое, но еще слишком слабое, чтобы прогреть воздух. Он беспокойно подергивал ногами, то поднимая колени вверх, то опуская их вниз. Схватившись рукой за шею, он покрутил головой в жалкой попытке успокоиться. Жан-Люк должен был что-то сделать. Он пообещал себе, что делает. И теперь в его голове зарождалась идея. Это была всего лишь мысль, и он не знал, сможет ли претворить ее в жизнь, но он стал представлять себе, что сможет.

Что, если ему удастся сделать так, чтобы поезд сошел с рельсов? Ему всего лишь надо будет ослабить болты на стыковых накладках, а потом сдвинуть рельсы с линии с помощью лома, и это заставит поезд сойти с рельсов. Может, это будет не так уж и трудно. Но он не смог бы сделать это в

одиначку, ему нужно, чтобы Фредерик был его сообщником, чтобы он пропустил его работу во время проверки в конце дня. Он знал, что, если поставит Фредерика перед уже свершившимся фактом, тому не останется ничего иного, как согласиться. Он был не из тех, кто способен сдать друга. Не так ли?

Задаваясь этим вопросом, он взглянул на своего напарника. Было очевидно, что Фредерик не мог мириться с работой на бошей, как и сам Жан-Люк. Но совершить диверсию? Это требовало мужества. Если их поймают, они предстанут перед расстрельной командой, но перед этим их будут допрашивать и пытаться. *Пытать!* Он закрыл глаза, пытаясь отогнать эту мысль прежде, чем она укоренилась у него в мозгу.

Внезапно Фредерик посмотрел на него, на мгновения их взгляды встретились, выражая общую мысль. Какого черта они здесь делают?

Мысли Жан-Люка вернулись к плану. Стоила ли игра свеч? Он смог бы только на время задержать поезд, но и это было важно. И боши бы точно разозлились. Жан-Люк представил себе, как поезд сходит с рельс и в какой хаос это приводит станцию. Его сердце забилося чаще. Должно быть, это его шанс совершить поступок. Размышляя об этом, он чувствовал, как беспомощная злоба в нем превращается в гнев. Он злился, что увезли отца, и из-за мертвого ребенка на платформе, который лежал там, как какой-то забытый чемодан. А потом он разозлился на себя и на всех, кто также

молча терпел это, боясь за свою жизнь.

– Вот мы и приехали. Снова Бобиньи, – объявил водитель.

Как обычно, они пошли в дом начальника станции, чтобы сообщить о прибытии и взять свой скудный завтрак – чашку эрзац-кофе и кусок черствого хлеба. Он одним глотком проглотил коричневую жидкость, а хлеб выкинул на рельсы. Его желудок сжался в узел. Мог ли он на самом деле сделать это?

Он пошел к будке с инструментами, достал гаечный ключ и большой лом. Оглянувшись на остальных мужчин, которые дожевывали свой хлеб, Жан-Люк пошел вдоль линии, рассматривая разрыв, в котором сходились рельсы. Ему не потребовалось много времени, чтобы найти его. Он присел на корточки и осмотрел стык внимательнее. Болты были ржавыми. Если он действительно собирается сделать это, то сначала ему придется проверить, сколько времени потребуется, чтобы открутить один болт, а затем умножить его на четыре. Он прикинул, что в запасе у него есть как минимум пятнадцать минут. Охрана совершала обход каждые полчаса.

Опустившись на колени, он стал рассматривать ржавые болты, стараясь дышать ровно. Его прошиб пот, во рту внезапно пересохло. Он знал – если не сделает это прямо сейчас, то не сделает это никогда. И тогда ему придется жить со этой трусостью до конца своих дней.

Он глубоко вздохнул, чтобы успокоить свой учащенный пульс, взял гаечный ключ и зажал им первый болт. Закатал рукав и посмотрел на часы – ровно 7:41. Он повернул болт.

Тот был туго затянут. Он нажал со всей силы, навалившись всем весом на гаечный ключ. Его дыхание участилось, но Жан-Люк смог заставить его повернуться, затем еще чуть-чуть. После этого болт стал поворачиваться быстрее. Когда он полностью открутил его, то посмотрел на часы – 7:43 и 40 секунд. Почти три минуты. Это означало всего девять минут на оставшиеся три болта. У него было время. Он мог сделать это.

– Жан-Люк!

Голос Фредерика пронзил его, как удар молнии.

– Что ты делаешь? Мы должны работать на другом конце пути сегодня.

Гаечный ключ выпал из рук и ударился о рельсы. Все еще стоя на коленях, он оглянулся, проверяя, кто находится в пределах слышимости. Но было еще рано, только пара охранников стояли поблизости, курили и разговаривали. Они посмотрели на него, поймав его взгляд. Он затаил дыхание. Но казалось, что те едва ли заметили его. Очевидно поглощенные своим разговором, они стояли наклонившись друг к другу... Жан-Люк медленно выдохнул и повернулся к Фредерику. Он постарался говорить тихо и спокойно:

– Эта накладка плохо прикручена.

– Тогда поторопись! – Фредерик ушел прочь.

Он поднял с земли гаечный ключ, закрепил его на втором болте и повернул, придерживая левой рукой правую, чтобы нажимать сильнее. Он продолжал раскручивать болт, уве-

ренно и действенно. Через три минуты он открутил его полностью и перешел к третьему. Гаечный ключ выскальзывал из его потной руки, а комбинезон прилип к телу. Прошло еще три минуты и сорок секунд.

Он поместил гаечный ключ на четвертый, последний болт. У него перехватило дыхание. Этот болт был совсем ржавым и не поддавался. Он нажимал все сильнее и сильнее, кисть уже болела от усилий. Он посмотрел на часы. Прошло уже больше минуты, а болт так и не поддался. Нужно было открутить все четыре, или все напрасно. Жан-Люк остановился и глубоко вдохнул. Надо попробовать еще раз. На этот раз он попытался сбить ржавчину, прежде чем закрепить гаечный ключ вокруг болта, а затем со всей силы нажал на металлическую ручку. Болт начал откручиваться. Прошло еще три с половиной минуты.

Теперь у него оставалось всего две минуты на работу с ломом. Он поднял его с земли и со всей силы воткнул в землю под рельсом. Его сердце выпрыгивало из груди. Невозможно было дышать. Он широко открыл рот, пытаясь захватить воздух. Он услышал, как кто-то выкрикнул команду:

– *Achtung! Vorwärts marsch!*

Но не стал оборачиваться. Теперь он со всей силы надавил на лом. Рельс начал двигаться. Ему все же удалось сдвинуть его с линии.

Шум сзади заставил его подпрыгнуть. Тяжелые шаги. Он повернулся посмотреть, что там.

Это был начальник лагеря, он шел прямо к нему. *Merde!* Жан-Люк отвернулся обратно к рельсам. Господи, пожалуйста, молился он. Пожалуйста, пусть он уйдет.

Шаги становились все громче. Ближе. Рука Жан-Люка дрогнула, когда он вытащил лом и воткнул его теперь с другой стороны, будто пытаясь поправить рельс.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Брюннера. Тот говорил с охранником. Раздался хриплый хохот. Затем они ушли прочь. Жан-Люк вернулся к рельсам, его руки все еще дрожали. Он должен был сделать это. Он переложил лом обратно на другую сторону и приготовился изо всех сил вытолкнуть рельс наружу.

Все произошло так быстро, что он даже не успел понять. Лом выскользнул у него из рук. Отскочил. Боль пронзила его щеку, будто ее порезал нож. Мужчина выронил из рук инструменты и схватился за раненную щеку. Кровь хлынула ему на руки. Он ничего не видел. Удар по ногам заставил его пошатнуться. Он вскрикнул.

Грубые руки оттащили его с путей и повели прочь. Затем двое мужчин подняли его и закинули в грузовик.

Глава 9

Шарлотта

Париж, 3 апреля 1944 года

– Опять ты опаздываешь.

Мама сунула мне кусок черствого хлеба, когда я выбегала из дома.

– Ты должна раньше вставать.

Она говорила одно и то же каждое утро, но, честно говоря, я считала, что подъем в 6:30 это достаточно рано. Дорога до госпиталя Божон в Клиши от нашего дома на улице Монторгейль неблизкая, но я не возражала – такой длинный путь заставлял меня почувствовать себя совсем взрослой в мои восемнадцать лет.

Это мама нашла мне работу. Она хотела, чтобы я не сидела дома и не «тратила свою жизнь на чтение», как она говорила. Еще она хотела получать дополнительные пайки. Папа сначала был против, чтобы я там работала – все-таки это немецкий госпиталь, но мама его уговорила. Она сказала, что я ведь не собираюсь раскрывать государственную тайну или сдавать соседей. Она добавила еще что-то о «спасении раненых» – это хорошее занятие для молодой женщины во время войны. Втайне я думала, что это работа больше подошла бы молодым мужчинам. Она бы заставила их подумать,

прежде чем начинать войну. Как бы то ни было, не все пациенты в госпитале были немцами; там были и французские солдаты, видимо, те, что присоединились к немцам. В Париже было полно вербовочных пунктов.

Целыми днями я мыла полы, кормила с ложки раненых, которые ослепли или потеряли конечности, или просто сидела и слушала французских пациентов. Тяжелее всего было тем, кто потерял конечность, но все еще чувствовал ее и ту невыносимую боль, которую она причиняла. Один из докторов объяснил мне, что это называется «фантомно-болевым синдромом». Ничто не могло облегчить их участь.

Меня потрясло, что все мужчины выглядят одинаково на больничной койке. Уязвимыми. Безобидными. Язык, на котором они говорили, был единственной возможностью понять, откуда они родом. Госпиталь работал по строгому распорядку, но попытки утешить пациентов поощрялись, и мне это нравилось, хоть я и хотела бы, чтобы это был не немецкий госпиталь. Вся ироничность моего положения была в том, что я помогала окрепнуть врагам, в то время как другие, более патриотичные французы, рисковали жизнью, чтобы добиться обратного.

Когда я наконец добралась до госпиталя в то утро, я подошла к шкафчику, достала свою форму, надела ее и посмотрелась в зеркало в полный рост, чтобы убедиться, что форма чистая и выглаженная. Я опаздывала, но не слишком, и я задержалась на минуту, разглядывая себя в зеркале. Лучше

всего здесь подошло бы слово «плоская». Никаких выпуклостей или изгибов, которые могли бы указать на то, что я становлюсь женщиной. Четыре года оккупации оставили меня с глубоким чувством внутренней пустоты. Дело было не только в постоянном физическом голоде, но и в эмоциональном истощении. Я до смерти хотела жить полной жизнью. Я знала, что где-то там есть целый мир, где люди смеются, танцуют, выпивают, целуются, занимаются любовью, а я здесь все это пропускаю.

Я провела руками по груди, и в голове прозвучали мамини слова:

«Незачем тебе покупать лифчик».

Помню, как обрадовалась, когда у меня впервые началась менструация, и какое разочарование испытала, когда она прекратилась всего через три месяца, будто не понимая, зачем она вообще когда-то началась.

«Ты даже не представляешь, как тебе повезло, – говорила мама, – это просто проклятье».

Но я хотела, чтобы мое тело менялось, чтобы его касались в тех местах, которые я бы не осмелилась даже назвать.

Я повернулась и посмотрела на свое лицо. Попыталась улыбнуться. Да, так было намного лучше. Но мне не хотелось улыбаться, даже когда пациенты пытались заигрывать со мной.

Большинство из них были совсем не смешными, я только содрогалась, когда они отпускали свои глупые фразочки

вроде «холодные руки, теплое сердце» или «мне нравится эта форма». Мне больше нравились те, что молчали, и мне было жаль тех, кто испытывал боль, но храбрился, сдерживая слезы, когда я помогала им сесть.

Я пригладила волосы. Как бы я хотела их вымыть. Они были сальными, но мыла было так мало, что мама выдавала мне его только раз в неделю. Краситься мне тоже не разрешалось, но на это мне было плевать. Мои ресницы были довольно длинными и темными, а когда я щипала себя за щеки, казалось, что я использую румяна.

– *Allez! Allez!* – Смотрительница ворвалась в раздевалку. Она посмотрела на мое отражение в зеркале, а я посмотрела на ее. Это создавало приятную дистанцию между нами.

– Некогда любоваться собой, – холодно произнесла она, – есть работа, которую надо делать.

– Простите, – пробормотала я, забирая швабру и ведро у нее из рук.

Глава 10

Жан-Люк

Париж, 3 апреля 1994 года

– *Ruhig zu halten!*

Жан-Люку в рот засунули кусок кожи. Он сжал его изо всех сил, чтобы подавить крик. О, господи, что они делали с ним? Казалось, они режут ему лицо.

Его сердце бешено застучало, когда он все вспомнил. Брюннер, орущий за его спиной. Лом. Блеск металла перед глазами за секунду до того, как он ударил его по лицу, потом удар по ноге. Кто-то бил его? Поняли ли они, что он делал? Как они могли догадаться? Они не могли понять, что он пытался повредить пути. Или могли? Боже, а что, если и правда?

Серебристый блеск какого-то металлического предмета привлек его взгляд, когда он посмотрел на люминесцентную лампу. Предмет приближался к его лицу. Он выплюнул кусок кожи и закричал.

– *Ruhig zu halten!* – снова крикнул кто-то. – *Halte ihn fest!*

У него закружилась голова. Появились расплывчатые лица, их сменил ослепляющий белый свет. Запах хлорки и дезинфицирующего средства стоял у него в горле, провоцируя рвотные позывы. Все немецкие слова исчезли из его пульси-

рующей от боли головы.

– Пожалуйста, – умолял он, – хватит, хватит. Я говорю вам...

– *Es ist aus.* Вот и все.

Все? Они закончили с ним. Он гадал, что успел им сказать. Он знал, что бормотал что-то, плакал, умолял. Его глаза были влажными, а во рту пересохло. Боль в одной стороне лица была острой, будто туда вонзался острый нож, а боль в ноге заставляла его дрожать. Внезапно ему стало очень холодно. Сильная дрожь охватила все тело. Вот бы кто-нибудь накрыл его одеялом.

Кто-то сжал его плечи и потянул вверх, будто пытаясь посадить. Он хотел поднять голову, но его били судороги, и он не мог контролировать свои движения. Он почувствовал руку на затылке. Стакан с водой, прижатый к губам. Жан-Люк сделал глоток и понял, что кто-то положил три таблетки ему в ладонь. Он смотрел, как они то появлялись, то исчезали в его дрожащей руке. Они были белые, но он понятия не имел, что это.

– Болеутоляющие, – произнес голос с немецким акцентом.

Он проглотил все три, запил водой и закрыл глаза, тяжело выдыхая от боли и молясь, чтобы таблетки скорее подействовали.

Нога! Что случилось с его ногой? Он попытался встать, чтобы посмотреть на ногу.

– *Nein!* Нет! – Рука толкнула его обратно на кровать.

Он был на какой-то штуке на колесах. Чувствовал, как его куда-то везут. Он положил голову обратно на подушку и стал смотреть на белый потолок, пытаясь заглушить боль. Смесь из стонов, разговоров и криков, даже отдельных смешков. Иногда ему удавалось уловить целую фразу на французском, потом ее прерывал немецкий и он снова терялся. Где он, черт возьми, находился?

Пока его куда-то везли, он смотрел по сторонам своим затуманенным взглядом. Ему удалось различить ряды белых коек. Слава богу! Должно быть, он в госпитале!

Его не допрашивали. Его лечили.

Боль начала отступать. Голова закружилась. Он позволил себе провалиться в забытие.

Проснувшись, он почувствовал слабость, щека и нога все еще пульсировали от боли. Он поднес руку к лицу и почувствовал, что оно забинтовано. Боже, что он сотворил с собой?

Его живот громко заурчал. Он попытался вспомнить, когда ел в последний раз. Он поднялся в полулежачее положение и посмотрел вокруг. Медсестры в белой форме суетливо перемещались туда-сюда по центральному проходу с термометрами в руках.

– *Willkommen*, – услышал он немецкую речь с кровати рядом с ним.

Он повернулся и посмотрел на говорящего,

– *Bonjour*.

– Ты француз. Как тебя зовут?

– Бошам.

– И что же с тобой стряслось?

– Несчастный случай на железной дороге.

– Ну, теперь ты сможешь показать своим детям чудесный шрам.

– У меня нет детей.

Бош засмеялся.

– Я имел в виду будущих детей. Кстати, я солдат Кляйнхарт. Рад знакомству. Получил пулю в ногу – стреляли два чокнутых террориста.

– Мне жаль. – Что еще я мог ответить?

– Ничего. Их уже поймали и с ними разобрались.

Жан-Люк закрыл глаза, пытаясь отогнать от себя образ двух мужчин, которых пытаются. Он не мог выдержать еще больше боли.

Он открыл глаза. Кляйнхарт выжидающе на него смотрел. Он должен был что-то ответить. Неподходящий момент, чтобы строить из себя героя.

– Да, их следует проучить.

– Точно, – Кляйнхарт откинулся обратно на подушку, – страх всегда работает. Удивительно, как быстро люди учатся, если учить их с помощью страха.

Одно это слово заставило внутренности Жан-Люка сжаться. Он постарался не думать о том, что они могут с ним сде-

лать, и просто не мог не посмотреть на свои ноги, чтобы убедиться, что они все еще на месте.

Пришла медсестра, в руке она встряхивала термометр.

– *Guten Morgen, Krankenschwester*, – улыбнулся ей бош.

– Доброе утро, месье.

Затем она повернулась к Жан-Люку и посмотрела на него своими теплыми глазами шоколадно-коричневого цвета.

– Месье, откройте, пожалуйста, рот.

Он послушно сделал то, о чем его попросили, рассматривая ее, пока она ставила ему градусник под язык. Он почувствовал, как растянулся порез на его щеке, будто он мог снова раскрыться. Жан-Люк сжал губы вокруг стеклянного корпуса градусника, пытаясь выровнять дыхание, и изучал медсестру. Она выглядела очень молодо, ее гладкая светлая кожа была безупречна и напомнила ему чистый холст.

– Где я?

Он попытался установить с ней зрительный контакт, но та внимательно смотрела на градусник.

Неожиданно девушка посмотрела прямо на него, сверкнув своими темными глазами.

– В госпитале Божон.

Она говорила тихо, почти шептала, как будто хотела, чтобы ее слышал только он.

– В госпитале Божон?

– Это немецкий госпиталь.

Его сердце забилося чаще, пульс гулом отдавался в ушах.

Ну конечно! Вот почему они все говорили по-немецки. Но зачем его отправили в немецкий госпиталь? Он окинул взглядом палату, отмечая, как здорово подсустились боши: все вокруг было такое накрахмаленное и белоснежное. Видимо, он был в надежных руках. Но почему ему не дали какое-нибудь обезболивающее, прежде чем зашивать его рану? Это потому, что он француз? Или потому, что они подозревали его в чем-то?

Наверняка, если бы они догадались, что он пытался устроить диверсию на железной дороге, они бы послали его в государственный госпиталь или прямиком на допрос. Значит, они не подозревали. Они не могли. Но что случилось с его ногой?

Медсестра заправляла края простыни под матрас. Он ждал, пока она закончит, и когда она повернулась снова к нему, спросил:

– А вы знаете, что... что случилось с моей ногой?

Она молча взяла историю болезни, которая, видимо, висела на изножье кровати. Она посмотрела в нее и нахмурилась.

– Мне жаль, но я не знаю. Тут все на немецком...

– Дай-ка мне взглянуть, – громко вмешался бош с соседней кровати.

Не поворачиваясь к нему, она передала ему историю болезни.

– Перелом бедра. – Бош замолчал. – Тебя что, поезд сбил?

– Нет. – У Жан-Люка снова закружилась голова. – Часть

железнодорожных путей отошла, и я попал под нее.

– Ты работаешь на железной дороге?

– Да, сэр.

– Ну, будь осторожнее в следующий раз.

Жан-Люк кивнул и повернулся к медсестре. Он понял, что та собирается уходить, но ее присутствие успокаивало его. Она хотя бы была француженкой.

– Сколько я пробуду здесь, сестра? – Он попытался улыбнуться, но было слишком больно.

– Я не знаю. Вам нужно спросить это у доктора.

И она ушла, оставив его наедине с бошем.

Глава 11

Шарлотта

Париж, 4 апреля 1944 года

Как будто мне не хватало комендантского часа, установленного бошами, и мои родители установили свой. Я должна была возвращаться домой к восьми, хотя в свои восемнадцать лет я мечтала выходить вечерами в кафе или на танцы на один из секретных балов, о которых все взволнованно шептались. Я могла развлекаться только по пятничным вечерам, когда мне разрешали пригласить парочку друзей. Мама позволяла нам собираться в библиотеке, она была намного уютнее гостиной, в которой стояли жесткие кушетки эпохи Людовика Шестнадцатого. В библиотеке же была мебель, привезенная из нашего загородного дома, – из потертой мягкой кожи. Нам нравилось развалиться в ней и притворяться, что мы курим и что мы такие декаденты, когда на самом деле мы всего лишь жевали твердые лакричные палочки и пили чай, который мама заказала из Англии еще до войны.

– Ты знаешь, что Марк уехал? – Агнес облизывала свою лакричную палочку, искоса поглядывая на меня.

– Но он ведь католик! – Мое сердце забилось чаще. Они не могли его забрать.

– Нет, глупенькая. Он присоединился к Маки.

– Нет!

– Он что, не приходил попрощаться с тобой?

Мне нравился Марк, и Агнес знала это. Я покачала головой. Они обе смотрели на меня с жалостью.

– Не переживай, – сказала Матильда, – он ни с кем не попрощался. Мы узнали это только благодаря тому, что его мама встретила мою маму в очереди за пайком. Она очень расстроена, конечно. Боши убьют его, если найдут.

Я не понимала, как она может говорить о таких вещах таким будничным тоном.

– Ну, он хотя бы что-то делает. – Я замолчала, собираясь с мыслями. – Разве вам не хочется что-нибудь сделать?

Я переводила взгляд с одной на другую, но они смотрели на меня с каменными лицами

– Это слишком опасно, – наконец выдавила Агнес. – Я не стану бежать в горы, чтобы присоединиться к Маки. Они живут как дикари, спят на улице. Можете себе представить?

– Но они хотя бы пытаются, не так ли? Они делают все что могут. – Мне хотелось защитить их.

– Думаю, они очень храбрые, – добавила Матильда. – Я бы так не смогла. От меня не было бы никакой пользы – я бы сдала все их секреты за секунду, если бы меня арестовали.

Она поежилась.

– Боши творят с ними ужасные вещи, если им удастся их поймать.

– Представь, что тебе пришлось бы нести секретное по-

слание. Я бы с ума сошла от нервов, – тихо произнесла Агнес.

Я выдохнула.

– Я тоже. Но если хотите знать, я бы попробовала.

– От Жака никаких новостей? – вдруг спросила Агнес, меняя тему разговора.

Жак исчез однажды ночью в прошлом месяце. До этого его исключили из Сорбонны за еврейские корни, и Матильда передавала ему записки от других студентов, но в последний раз, когда они должны были встретиться, он не пришел. Потом мы узнали, что его поймали и отправили в Дранси.

– Жаль, что я не позвала его пожить у нас. – Голос Матильды звучал подавленно.

– Это было бы слишком опасно. – Агнес наклонилась к Матильде и тронула ее за локоть. – Если бы они нашли его у тебя дома, они бы забрали тебя и твою семью.

– Я надеюсь, что мы сможем быть друзьями, когда он вернется. – Голос Матильды сорвался, и я почувствовала ее боль.

Сколько раз мы стояли и смотрели, как наших соседей увозят черт знает куда. Мы все ощущали себя в какой-то мере соучастниками, хотя мы никогда не говорили об этом вслух. В конце концов, что мы могли сделать?

– Вы слышали историю про мужчину, который пристрелил нациста в универмаге «Принтемс»? – Агнес снова сменяла тему разговора.

Казалось, что ей всегда удастся узнать обо всем раньше других. Помогал тот факт, что она работала в булочной; люди всегда разговаривали, пока по два часа стояли в очереди за хлебом. Мы смотрели на нее, ожидая продолжения.

– Ага, середь бела дня, на нижнем этаже, где они продают сумки.

Она помолчала, чтобы мы успели переварить сказанное.

– Он знал, что его арестуют и казнят, но все равно сделал это, – она сделала паузу, – разве это не храбро?

– Но нацисты в отместку расстреляли французских заключенных, – сказала Матильда. – Думаешь, это того стоило?

Она поднялась с кресла.

– Что-то я не уверена в этом.

Я на мгновение задумалась.

– Мне кажется, бошей это только злит, и они начинают обходиться с нами еще хуже.

– Согласна. – Матильда посмотрела на меня. – Мы не выиграем войну, убивая бошей время от времени.

Она снова плюхнулась в кресло.

– Я слышала, что де Голль пытается собрать армию в Англии, – прошептала Агнес. – Однажды они придут и помогут нам победить бошей.

– Мы должны быть готовы к этому, когда они придут! – Как бы я хотела сделать хоть что-нибудь.

– Готовы? – засмеялась Агнес. – Ладно, я буду готова. Бо-

лее чем! Если они придут сюда, я их всех перецелую!

– И я! – согласилась Матильда. – Я бы не отказалась от красивого англичанина.

Они захихикали.

– Я бы хотела себе сумочку в форме противогаза. – Агнес снова сменила тему.

Матильда улыбнулась:

– Да, они выглядят здорово, но они очень дорогие.

– И я хотела бы повязать себе тюрбан.

Агнес потрогала свои непослушные кудрявые волосы.

– Они выглядят так изысканно, но моя мама никогда мне не разрешит. Считает, что это выглядит по-деревенски.

– Просто надо правильно это сделать и добавить пару нарядных сережек. – Матильде нравился этот разговор, но я спрашивала себя, как мы можем говорить о прическах и моде в такое время. Это казалось таким поверхностным, таким бессмысленным. Неужели мы, девушки, были такими недалекими? Эта мысль меня огорчала.

– А вы знали, что мадам Клермон из аптеки встречается с нацистом? – И снова Агнес сменила тему. Я кивнула. До меня доходили слухи. – Он из СС, – добавила она заговорщицким тоном.

– Это отвратительно. – Матильда буквально выплюнула эти слова, ее глаза яростно засверкали. – Эта женщина заслуживает смерти.

Агнес встала, подошла к фортепиано, открыла крышку и

со всей силы ударила по клавишам. Она начала играть «Мой легионер». Матильда присоединилась к ней, облокотившись на пианино, но я была не в настроении петь в тот вечер.

Вдруг Агнес перестала играть.

– Шарлотта, – она повернулась ко мне, – надеюсь, ты не против, если я спрошу, зачем ты работаешь в госпитале бошей?

Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули.

– К твоему сведению, там не все боши, некоторые из них вообще-то французы.

– Да, но они коллаборационисты, а это то же самое.

– Я думаю, это даже хуже, – вмешалась Матильда. – Они не должны были присоединяться, не так ли? Это их выбор.

– Мама нашла мне работу. Она хотела, чтобы я работала, – сказала я, проигнорировав последнюю реплику. Матильда всегда делила мир на черное и белое.

– Твоя мать? Я думала, она ненавидит бошей.

– Конечно, ненавидит. Но она сказала, что заботиться о раненых – хорошее занятие для молодой девушки во время войны.

Я попыталась изобразить ее командирский голос, и они засмеялись.

– Но ты не должна!

Матильда холодно посмотрела на меня.

– Ты уже взрослая. Ты не должна делать все, что она тебе говорит.

Я посмотрела на нее, думая, что она права. Пора начать самостоятельно принимать решения.

– Я думала, ты поедешь в Сорбонну, когда сдашь экзамены. Думала, ты хочешь изучать литературу. Ты так хорошо окончила колледж. – Агнес с глухим стуком закрыла крышку фортепиано. Это заставило меня вздрогнуть. Мама учила меня опускать ее аккуратно и беззвучно.

– Да, я очень скучаю по учебе.

– Ну, ты могла бы читать сама. Тебе ведь для этого не нужен университет, правда?

– Это не то же самое. Книга – это нечто большее, чем просто слова на странице.

Агнес пожала плечами.

– В любом случае, сейчас в этом нет особого смысла.

– Я знаю, о чем ты, – согласилась Матильда. – Кажется, что бесполезно учиться, пока людей арестовывают и убивают.

Она замолчала.

– Возможно, твоя мама права.

– Да, она не видит смысла продолжать обучение, когда будущее такое неопределенное, и как ни крути, лишний талон намного нужнее. Образование – роскошь, которую мы больше не можем себе позволить.

– Это твоя мать так сказала? – нахмурилась Матильда.

– Нет, это я так сказала.

– Забавно это, не так ли? Когда вы так богаты.

– Я имею в виду с моральной точки зрения.

Матильда нахмурилась еще сильнее.

– Моральной?

– Ну, сейчас есть вещи поважнее, разве нет? – Я надеялась, что не обидела ее.

– Да, но что мы можем?

Агнес встала и вздохнула так, будто ей наскучил наш разговор.

– Не знаю, как вы, но я всегда хочу есть.

Она погладила свой плоский живот.

– Зато мы остаемся стройными, а?

– Слишком стройными.

Мой живот заурчал в знак согласия.

– Мы ели ягненка в прошлое воскресенье! – Агнес понизила голос. – Мама заложила свое жемчужное ожерелье и купила его на черном рынке – на папин день рождения.

Я почувствовала, как на лбу у меня появилась морщинка.

– Моя мама не любит покупать что-то на черном рынке.

– Но она не против того, что ты работаешь в госпитале бошей? Мои родители никогда бы мне этого не позволили.

Агнес прищурила глаза:

– Постарайся держаться подальше от неприятностей.

Я уставилась на нее, не понимая, о чем она говорит.

– Ну, ты знаешь этих солдат. Они на все готовы ради...

– Ради чего? – спросила Матильда.

– Ну, вы знаете.

Агнес дотронулась до своего носа и посмотрела на меня

многозначительным взглядом. Тут вошла мама со свежесваренным чаем.

– *Bonsoir, les filles.*

Мы сразу перестали сутулиться, сосредоточились и выпрямили спины.

– *Bonsoir, Madame de la Ville,* – хором произнесли Агнес и Матильда.

Она разлила всем чай через ситечко в фарфоровые чашки.

– *Merci, Madame de la Ville.*

Я вздохнула и стала ждать, пока она выйдет из комнаты, чтобы мы могли продолжить разговор. Но она не собиралась уходить – она стояла в своем пошитом у портного приталенном костюме. Я бы хотела, чтобы у меня был такой костюм, а не бесформенные платья, которые она шила мне. Думаю, она все еще считала меня ребенком.

– Как поживает твоя мама? – спросила она Агнес. На ее ровном лбу появилась озабоченная морщинка.

– Все хорошо, спасибо. – Я почувствовала, что Агнес напряглась. Ее мама дружила с моей, но потом что-то случилось. Что-то связанное с войной и черным рынком.

– Я все еще помогаю в булочной, когда там есть немного хлеба.

– Да, кажется, что очереди становятся все длиннее, не так ли?

Она отвернулась от Агнес.

– А как твоя учеба, Матильда?

– Хорошо, спасибо. То есть, я имею в виду, что все не всегда гладко, некоторые курсы отменили.

Мама кивнула.

– У тебя есть учебники, но это не то же самое, не так ли?

– Нет, конечно, нет, особенно с наукой.

– Конечно.

Казалось, что мама не помнила, что именно изучает Матильда.

– *Bien*. Тогда я оставлю вас, девочки. Я вернусь в восемь часов, так что у вас будет достаточно времени, чтобы вернуться домой.

– Но мама, это всего через час. Они живут недалеко.

– Нет смысла лишний раз рисковать.

Она развернулась на каблуках и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

– Не переживай, Шарлотта, – сказала Матильда сочувственно. – Моя мама предпочитает, чтобы я возвращалась домой до комендантского часа.

– Шарлотта, – Агнес посмотрела на меня с беспокойством, – ты правда должна быть осторожнее, раз ты работаешь в этом госпитале для бошей. Я удивлена, что родители позволяют тебе. Люди могут не то подумать.

– О чем это ты? – Я почувствовала, как участился мой пульс.

– Ну, ты знаешь. Они могут подумать, что ты коллабора-

сионистка.

– Нет!

– Ты знаешь людей. Они такие.

– Хватит, Агнес! Все знают, что Шарлотта не такая.

Матильда зло посмотрела на Агнес.

– Конечно, нет! Мы заступимся за тебя. – Агнес поднялась, расправила платье и посмотрела на картину на стене.

– Это Пикассо?

– Да, мама получила его на прошлой неделе.

Она подошла ближе к картине.

– Очень прогрессивно. Теперь ему нельзя выставяться, знаете. Нацисты считают, что это убогое искусство.

– Убогое? – Матильда рассмеялась. – Кто тут еще убогий?

– Должно быть, она стоила целое состояние. – Агнес продолжала рассматривать картинку.

– Это подарок.

– Подарок? – Она вскинула бровь. – Должно быть, твоя мама знает интересных людей.

Я уставилась на нее, гадая, что она думает на самом деле.

Глава 12

Жан-Люк

Париж, 5 апреля 1944 года

Два дня спустя Жан-Люк завтракал тостами с маслом – у них было масло! – когда перед ним вдруг возник начальник станции.

– *Bien, bien.* Что же ты с собой натворил?

Его рука машинально потянулась к повязке на лице.

Начальник станции смущенно стоял и разглядывал пустую постель Кляйнхарта, который только что отошел. Наверное, в уборную.

Жан-Люк отодвинул свой тост, от аппетита внезапно не осталось и следа.

– Нет-нет, доедай. Я только пришел посмотреть, как ты тут, и задать пару вопросов... Ты не против?

Начальник станции указал на кровать, как бы спрашивая, может ли он присесть.

– Конечно. Садитесь, пожалуйста. Тут хватит места.

Merde! Он должен был быть к этому готов. Как он будет выкручиваться?

Шаг первый: не показывать, что ты нервничаешь.

Жан-Люк снова положил тост перед собой и заставил себя откусить кусочек, но теперь он был холодным и сухим и

застревал в зубах.

– Кажется, они хорошо о тебе заботятся.

– Да.

– Как твоя нога?

– Перелом бедра. Должно быстро зарости.

– Рад слышать. Это очень... досадно.

Жан-Люк нахмурился. Ему показалось, что он намеренно преуменьшает.

– Я плохо помню, как это случилось.

– Да. Все произошло уже после того, как ты ранил лицо. Один из бошей... То есть один из немецких солдат... один из них подумал, что ему надо было указать тебе на ошибку.

– Указать на ошибку? – Сердце бешено застучало.

– Он подумал, что ты ошибся. – Начальник станции сделал паузу. – Ну, в каком-то смысле он ведь был прав? Эта часть путей была в полном порядке. Я сам проверял ее днем ранее. Что ты делал там с этим ломом?

Жан-Люк пытался найти правильные слова. Шаг второй: иметь в запасе подготовленные ответы.

– Ну... Пути были не совсем в порядке. Мне пришлось вернуть один рельс на место.

– На место? Но ты толкал лом в обратную сторону.

В этот момент появилась медсестра.

– Посетитель? Как замечательно.

Девушка улыбнулась.

– Мне только нужно измерить вашу температуру, а потом

я уйду и не буду вам мешать.

Но Жан-Люк не хотел, чтобы она оставляла его наедине с начальником станции. Он открыл рот и слегка приподнял язык, чтобы сестра поставила градусник. И с облегчением осознал, что не сможет продолжать разговор, пока во рту у него стеклянная трубка.

Он откинулся на подушку и смотрел, как медсестра разговаривает с начальником станции. Краем уха он слышал, что они разговаривают о карточной системе, и удивлялся, почему они вышли на эту тему.

Жан-Люк попытался сосредоточиться и придумать ответ на вопрос про лом.

Шаг три: будь внимателен и последователен в своих ответах.

Она вытащила термометр из-под его языка.

– Тридцать семь с половиной, – с гордостью сообщила она, как будто температура стала меньше благодаря ее усилиям. – Я вернусь за вашим подносом для завтрака через несколько минут.

– Красивая, – подмигнул ему начальник станции, как только она ушла. – Тут уж получше, чем в Дранси.

Он замолчал.

– Ну, стоило это того?

– Что?

Кусок засохшего тоста встал Жан-Люку поперек горла. Он закашлялся, и начальнику станции пришлось похлопать его

по спине.

– О чем это вы? – спросил он, когда отдышался.

– О чем я? – повторил начальник станции. – Давай посмотрим.

Он наклонился ближе, чтобы только Жан-Люк мог его слышать.

– Ты о чем думал вообще?

Жан-Люк уставился на него округлившимися от страха глазами.

Начальник станции приблизился еще сильнее, так близко, что Жан-Люк почувствовал запах кофе, который тот, видимо, выпил с утра.

– Слушай сюда. Скоро тебя навестит немецкий следователь. Он задаст тот же самый вопрос: что ты делал с этим чертовым ломом? Что ты собираешься ему ответить?

Он давал ему шанс! Он был на его стороне и помогал ему найти выход из этой ситуации. Жан-Люк почувствовал облегчение во всем теле. Начальник станции был своим.

– Послушай, скажи ему то, что сказал мне – что необходимо было поправить пути, что необходимо было выровнять рельс в одну линию со стыковочным. Но не показывай, что нервничаешь или сомневаешься. К счастью для тебя, в тот день шел дождь, и яму, которую ты вырыл, смыло. К моменту, когда он ее осматривал, на следующий день было уже невозможно понять, где ты начал. Это может сработать. У тебя чистое досье.

Начальник станции замолчал.

– Что бы он ни сказал, придерживайся своей версии.

Как раз в этот момент Кляйнхарт вернулся на свою кровать. Он посмотрел на них.

– Что тут у нас – последний обряд?

– Нет, просто проверяю самочувствие своего работника. Но он должен жить, чтобы рассказать эту историю другим.

– Будем надеяться. Ему нужно еще раз увидеть эту медсестру, – засмеялся немец.

Как же Жан-Люк завидовал привилегированности его положения. Никто бы не стал приходить и задавать трудные вопросы.

После визита начальника станции Жан-Люк чувствовал постоянную тревогу, комок страха, который рос внутри него. Но шли дни, а следователь все не появлялся. Кляйнхарт время от времени пытался завязать разговор, негласным правилом было, что разговоры ведутся на его условиях, и то только тогда, когда он был в настроении.

– Мне нравится Франция, – заявил он в одно утро, когда перед ним положили хлеб и ветчину.

Жан-Люк научился ждать, когда ему зададут вопрос, прежде чем открывать рот, так что на этот раз он просто кивнул.

– Знаешь почему?

Он подумал, что это был риторический вопрос, и продол-

жил ждать.

– Дело в том, насколько тут все чертовски хорошо. Вкусные вина, невероятные женщины, изысканные произведения искусства. У нас в Германии нет этого всего. Только работа, работа, работа. Всегда так тяжело. У нас никогда нет времени, чтобы вот так посидеть, насладиться жизнью, как это умеете вы. Создавать, мечтать. Я всегда любил Францию. – Его голубые глаза сверлили Жан-Люка, как будто в надежде разгадать какую-то тайну.

Он постарался придать своему лицу отсутствующее выражение.

– У тебя есть девушка?

– Нет.

– А почему? Там целая куча девушек, у которых нет мужчин. Такой красавчик, как ты, не должен испытывать трудности с женщинами.

– Ну, я ведь всю неделю работаю в Дранси.

– Хм, не лучшее место, чтобы найти девушку, не так ли? А здесь что? Некоторые медсестры очень даже красивые.

Жан-Люк почувствовал, как у него загорелись щеки.

– Я так и знал! Она тебе нравится, не так ли? Я пытался, но со мной она не хочет разговаривать, хоть я и говорю по-французски.

– Нет – Он должен был защитить ее. – Со мной она тоже не говорит.

– Брехня! Я видел, как она на тебя смотрит.

Через четыре дня его перевели в другую палату. На этот раз рядом с его кроватью стоял стул. Он с благодарностью плюхнулся на него. Ковылять из одной палаты в другую было делом утомительным, хотя медсестра все это время держала его под руку – может, проблема в этом. Их физическая близость и то, как ее тело соприкоснулось с его, заставило сердце биться так сильно, словно он только что пробежал марафон.

Она взглянула на него.

– Сейчас я сниму повязку с вашего лица.

Он посмотрел на ее тонкие руки и представил, как они дотрагиваются до его кожи.

– Как вас зовут?

– Шарлотта.

– Шарлотта. – Он не смог удержаться и повторил за ней. – Я Жан-Люк.

– Знаю.

Она улыбнулась, и у нее на щеках появились маленькие ямочки.

Жан-Люк улыбнулся в ответ, хотя это растягивало его рану. Они так и смотрели друг на друга, широко улыбаясь.

– Я постараюсь аккуратно.

– *Merci*, Шарлотта.

Он хотел добавить, что не представляет, что она может

как-то иначе, но понимал, что это будет слишком.

Девушка наклонилась над ним и протянула руку. У нее были чистые и короткие ногти, она не носила украшений. Из-под ее небольшой белой шапочки выглядывали волосы. Они были темными и гладкими, постриженными под боб, и закручивались на концах. Он закрыл глаза и почувствовал, как ее ногти поддевают край повязки и начинают снимать ее. Жан-Люк глубоко вдохнул и почувствовал легкий лимонный аромат. Он сделал еще один вдох, наслаждаясь ее запахом.

– Теперь я ее обработаю. Может жечь.

Он даже не заметил, что девушка уже убрала повязку. Просто наблюдал, как Шарлотта берет пузырек и выливает содержимое на ватный тампон. Он невольно отпрянул, когда рука с тампоном приблизилась к лицу.

Она тихо усмехнулась.

– Будет больно всего секунду.

Но боль пронзила его так, будто ему нанесли новую рану, и он машинально потянулся к щеке. Но медсестра его опередила и схватила за запястье до того, как он успел дотронуться до кожи.

– Вы не должны ее трогать! Вы можете занести инфекцию!

Она не сразу отпустила его запястье, и он, не раздумывая, взял ее руку в свою.

Глава 13

Жан-Люк

Париж, 12 апреля 1944 года

В Шарлотте было что-то такое, что притягивало Жан-Люка. Пока он лежал на больничной койке и смотрел, как она моет пол в центральном коридоре, он гадал, что же именно ему в ней нравится. Возможно, дело в ее теплоте, нежности; она была такой естественной, такой простой и не имела ни малейшего представления о том, насколько привлекательна. В ней не было ни высокомерия, ни грации, ей было не свойственно кокетливо хлопать ресницами или фальшиво улыбаться.

Вдруг девушка оторвала взгляд от швабры и посмотрела на него. Он поймал ее взгляд, и она улыбнулась – широкой, искренней улыбкой. Он улыбнулся в ответ и слегка наклонил голову, как бы приглашая ее подойти и поговорить с ним.

Шарлотта осмотрелась, проверяя, нет ли где смотрительницы. Поблизости никого не оказалось, только сосед Жан-Люка лежал под одеялом, отвернувшись в другую сторону. Его тело поднималось и опускалось в такт тяжелому, но ровному дыханию. Он крепко спал.

– Все в порядке? – поинтересовалась Шарлотта с улыбкой, все еще играющей у нее на губах.

– Да, благодарю вас. Мне просто нужна компания.

– Я могу узнать, может ли кто-то поиграть с вами в карты.

– Нет. Ваша компания.

Он заметил, как она покраснела, и понял, что ее, должно быть, очень опекали в детстве.

– Вы всегда были медсестрой? – Он попытался вывести разговор на комфортную для нее тему.

– Я не медсестра, – ответила она.

– Неужели? А выглядите как медсестра.

– Это только из-за войны. Я должна была поступить в университет и изучать литературу.

– Что заставило вас передумать?

Она пожала плечами.

– Мои родители хотели, чтобы я работала.

Жан-Люк вскинул бровь.

– Идет война. – Она помолчала пару секунд. – Непонятно, что ждет нас в будущем, а сейчас мы голодаем. А благодаря тому, что я работаю здесь, мы получаем дополнительные пайки.

– Да, могу понять. Так значит вам нравится читать?

– Я обожаю читать.

– Какая ваша любимая книга?

– «Граф Монте-Кристо».

Он улыбнулся.

– Александр Дюма?

Она кивнула.

– Вы читали ее?

– Да, в детстве. Отец читал мне ее. Он любил... любит истории. Папа собирал для меня библиотеку. На каждый день рождения и на каждое Рождество он дарил мне книгу.

Жан-Люк замолчал, погрузившись в воспоминания об отце, его любви к чтению. Затем продолжил:

– Это отличная история, не так ли? Граф никогда не сдастся.

Он почувствовал, как пропасть между ним и героями его детства становится все шире.

– Это правда. – Она сделала паузу. – Но разве это реалистично? То, как он возвращается снова и снова, после каждого несчастья, которое с ним происходит?

– Я не знаю. Но это ведь заставляет нас мечтать, разве нет?

– Мечтать о том, чтобы быть лучше, чем мы есть?

Он пристально посмотрел ей в глаза и прочитал в них, как в открытой книге, ее желание быть лучше, смелее.

– Да, он выстоял, несмотря на все тяготы, которые на него свалились. Я полюбил «Трех мушкетеров» еще мальчишкой и мечтал стать д'Артаньяном, когда вырасту.

Он усмехнулся:

– И вот я в немецком госпитале.

– А вы всегда работали на железной дороге?

– Да, я был сыт школой по горло к моменту, когда мне исполнилось пятнадцать. И был счастлив уйти и обучиться ремеслу.

– А ваши родители? Они не возражали?

Он улыбнулся.

– Нет, мой отец всю жизнь работал на путях, а моя мать... ну, она заботилась о нас. Они были рады, что я нашел работу в «Национальной компании французских железных дорог».

– Но теперь ею владеют немцы.

– Да. – Жан-Люк заметил, что Шарлотта оглянулась, и понял, она переживала, что смотрительница скоро вернется. Но он не хотел, чтобы девушка уходила.

– Да, боши теперь главные, – прошептал он. – Мне не следовало там оставаться.

– Мне тоже не следовало бы работать здесь.

Он совсем не хотел расстраивать ее.

– Я думаю, что это смело.

– Что?

– Нужно иметь храбрость, чтобы приходить сюда каждый день и видеть всю эту боль и страдания. Только взгляните вокруг.

Он остановился.

– Большинство из них молодые люди, прямо как я. Они не настоящие враги. Настоящие враги – это люди у власти, те, кто отдает приказы. Можно поспорить, что они уж точно не окажутся в госпитале.

Она повернулась к нему.

– Но ведь остальные следуют этим приказам, так ведь?

– Вы знаете, сколько смелости нужно, чтобы противосто-

ять системе?

Жан-Люк сам ответил на свой вопрос:

– Больше, чем есть у многих, включая меня.

– И меня. Стоит перестать здесь работать.

– Нет, не делайте этого... ну, хотя бы пока меня не отпустят. Вы единственное светлое, что здесь есть. Вы сияете как...

– Тсс.

Она перебила его. Прямо в этот момент спящий сосед перевернулся на другой бок и закашлял.

Шарлотта сделала шаг назад и, кинув взгляд на Жан-Люка, быстро зашагала прочь.

Глава 14

Шарлотта

Париж, 14 апреля 1944 года

– Шарлотта!

Я через стол посмотрела на Матильду, попытавшись сосредоточиться на том, что она сейчас сказала, но ее слова вылетели у меня из головы. Вместо того, чтобы слушать ее, я думала о Жан-Люке.

– Ну, что ты думаешь? Поговорить мне с ним?

Я снова переключила внимание на Матильду. С кем? Я хотела переспросить, но не осмелилась.

– Ты не слышала ни слова, да?

Я окинула взглядом неприглядное кафе: старые плакаты с Эдит Пиаф и Ивом Монтаном на потрескавшихся стенах.

– Извини, я витала в облаках.

– Заметно! Что происходит? О ком ты гредишь?

Я почувствовала, как краснею.

– Ни о ком.

– И кто этот «ни о ком»?

Она улыбнулась.

Не сдержавшись, я улыбнулась в ответ.

– Кое-кто, кого я встретила в госпитале.

– Что? В госпитале Божон? Это доктор?

– Нет.

– Только не говори мне, что ты влюбилась в боша. – Она понизила голос.

– Нет, конечно! Он француз!

– Значит, коллаборационист?

– Нет!

Я глотнула воды. Я была уверена, что он не коллаборационист; это не его вина, что он работал на железной дороге, которую теперь контролировали боши.

– Почему тогда он в немецком госпитале?

– Ты могла бы спросить то же самое у меня.

Я уставилась на пятна от кофе и вина на старом деревянном столе.

– Могла бы, но я знаю тебя. А его нет.

В ее глазах промелькнуло беспокойство.

– Он работает на железной дороге. С ним произошел несчастный случай, его по лицу ударила рельса.

– Он работает на железной дороге? – Ее тон выдал разочарование.

– Да. – Я помолчала. – Но не уверена, что действительно нравлюсь ему.

– Шарлотта, я бы на твоем месте не беспокоилась об этом. Не вижу никакого совместного будущего для тебя и работника железной дороги.

– Не будь таким снобом! – Я пнула ее под столом.

– Ладно, ладно. Как он выглядит?

– Ты такая поверхностная! – Я улыбнулась. – У него густые черные волосы, пробор на левую сторону.

– На левую? Смотрю, ты любишь подробности.

– И еще у него карие глаза... ну, не чисто карие, как у меня. У него в глазах есть маленькие желтые точки и зеленые полосы, но издалека они кажутся карими.

– Должно быть, ты хорошо его рассмотрела!

– Ну, мне ведь надо было каждый день мерить ему температуру.

– Она поднимается, когда ты рядом с ним? – захихикала Матильда.

– Не говори глупости. Я бы очень хотела знать, нравлюсь ли я ему. Может быть, просто скучно лежать там целыми днями. Поэтому он и разговаривает со мной.

– Но Шарлотта, как ты можешь ему не нравиться? Ты красивая, умная...

– Нет, я тощая и плоская.

– О мой бог, Шарлотта. Все, что тебе нужно – это немного макияжа, ну и волосы можно было бы помыть.

– Знаю. Они прилизанные и мерзкие. Мама разрешает мне мыть голову только в воскресенье вечером. Нам не хватает мыла.

– Не понимаю твою мать. У вас в квартире есть Пикассо, но нет мыла!

– Пикассо не выдают по талонам, а мыло – да.

– Твоя мать не покупает на черном рынке, но зато у нее

на стене висит картина запрещенного художника. – Она наклонилась ко мне. – В чем смысл?

– Понимаю. Но у нее есть свои принципы.

Я сделала паузу.

– Солидарность, например. Она думает, что мы должны держаться вместе, и если существуют пайки, то они должны быть одинаковыми и для богатых, и для бедных.

Мы обе помолчали некоторое время. Моя мама могла быть суровой, но она была строга ко мне так же, как и к себе.

– Я могу достать тебе немного мыла. Если ты хочешь.

– Нет, не беспокойся об этом.

– Как бы там ни было. – Она вытянула ноги под столом. – Я не уверена, что он того стоит. Мне кажется, он не тот, кто тебе нужен.

– Он очень интересный и задает мне кучу вопросов.

– Ему просто хочется тебе льстить. А с другими медсестрами он разговаривает?

– Да.

Моя радость мигом улетучилась. И правда – он ведь разговаривал с другими медсестрами тоже. Я сама видела.

Матильда подняла бровь:

– Ну вот.

– Да, ты, наверное, права. Не стоит заикливаться на этом.

– Это все из-за того, что вокруг мало мужчин, Шарлотта. Так не должно быть, и теперь, когда кто-то оказывает тебе внимание, ты сразу поддаешься.

– Да, ты права. Не буду о нем думать.

– Хорошо.

Она облокотилась на стол и прошептала:

– Совсем скоро война закончится. Я это чувствую. И ты встретишь кого-то получше.

– Еще эрзаца, девушки? – официантка остановилась около нашего стола.

– *Non, merci*, только воды, пожалуйста.

Матильда посмотрела на плакат сбоку от меня.

– Эдит Пиаф выступает в эти выходные. Мы обещали, что пойдем.

– Знаю, но я еще не спросила у родителей. Мама всю неделю в таком ужасном настроении.

– Мы ведь можем пойти на дневное шоу. Не спрашивай, просто скажи им, что ты идешь.

– Ладно, ладно. Скажу.

– И забудь о нем, договорились?

Она не понимала, что я не хотела забывать о нем или встречать кого-то другого. Я не могла объяснить ей, как легко было разговаривать с ним, что он был таким, какой есть, и я чувствовала, что рядом с ним я тоже могу быть самой собой. Дело было даже не в том, что он говорил, а в том, что он позволял говорить мне. И он так внимательно смотрел на меня, когда я говорила, будто хотел узнать обо мне все до самой мельчайшей подробности. Мне нравились его вопросы, они заставляли меня чувствовать, что я узнаю его

и в то же время узнаю себя. Никто до этого особо не пытался узнать, что я думала о разных вещах, и мои мысли были сырыми, несформулированными до конца, но он терпеливо вел меня, впитывая каждое мое слово. Мне было неважно, что он работал на железной дороге и не сдавал никаких глупых экзаменов. Готова поспорить, он сдал бы их, если бы захотел, но он решил заниматься чем-то более практичным, более полезным.

Он относился к профессии так же, как я. Тоже не хотел работать на бошей. Мы оба были заложниками системы, и мы должны были найти выход из нее. Мне до смерти хотелось сделать что-то большее для своей страны, и я знала, что он хочет того же. Я пыталась придумать что-то, что могла бы делать по-своему, небольшие акты сопротивления. Я могла бы наращивать их интенсивность постепенно пока не осмелюсь на что-то более смелое, более опасное. Можно начать с того, чтобы складывать билеты в метро в форме буквы V, а потом кидать их на землю, как делали некоторые. До сих пор я не рискнула сделать даже это, особенно после того, как увидела женщину, которую за это ударили по голове. Они заставили ее встать на четвереньки, поднять билет и распрямить его. Тогда я сжалась от стыда за нее, но сейчас я жалею, что не сказала о том, что считаю ее очень смелой.

Глава 15

Шарлотта

Париж, 14 апреля 1944 года

Все выступление Эдит Пиаф я думала о Жан-Люке, особенно когда она пела «Танцуй под мою песню». Он заставлял все внутри меня танцевать, и одна мысль о нем придавала сил на все выходные.

Когда в понедельник я приехала в госпиталь, то сразу взяла швабру и ведро и начала мыть пол в его палате, как делала каждое утро. Оглянувшись по сторонам, я подошла к его кровати в надежде, что смотрительница меня не заметит. Его соседи должны были уйти на физиотерапию, и я гадала, удастся ли нам сегодня немного побыть наедине. Я скользила шваброй по полу туда-сюда, но увидела, как группа физиотерапевтов идет в мою сторону. Я затаила дыхание, когда они проходили мимо. Да! Они забирали своих пациентов, и Жан-Люка среди них не было. Я опять сосредоточилась на швабре в своих руках, заставляя себя не смотреть на него. Когда вокруг не осталось ни души, я закончила мыть центральный проход и подошла к его кровати.

Он сидел на стуле и читал какую-то брошюру. Когда он поднял взгляд и увидел меня, его глаза загорелись.

– Можешь присесть на минутку? Пожалуйста?

– Нет, не могу. Мне нужно застелить твою постель.

Я положила швабру и направилась к изножью кровати и стала сосредоточенно убирать все складки на простыне, разглаживая их рукой – туда-сюда.

– Шарлот-та. – То, как он произнес мое имя – медленно, нарочно цепляясь за последнее – та, будто пробуя его на вкус, – заставило мое сердце биться чаще.

– Да? – я изо всех сил старалась говорить беззаботно.

– Хочу тебе кое-что сказать.

Я перестала разглаживать простыню и обернулась. Его пристальный взгляд прожигал меня.

– Пожалуйста, присядь, Шарлотта. Всего на минутку. Вокруг никого нет.

Я присела на край его кровати, готовая вскочить в любой момент, когда кто-то посмотрит на нас.

– Не хотел тебя расстраивать, – мягко произнес он. – Пару дней назад, когда ты сказала, что не должна быть здесь.

Он еще сильнее понизил голос, и мне пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать.

– В немецком госпитале. Ты не сделала ничего плохого. Ты делаешь то, что должна.

– Но это правда. Я не должна быть здесь.

Его глаза потемнели, огонек в них погас.

– Я не хотел работать *на них*. И если уж я в ком-то разочарован, так это в себе.

Я кивнула, быстро оглянувшись по сторонам, чтобы удо-

стовериться, что поблизости никого нет. Все чисто, смотрительница и другие сестры помогали на физиотерапии.

– Я пообещал отцу, – продолжил он, смотря сквозь меня, будто фокусируясь на какой-то отдаленной точке, – когда его забирали в трудовой лагерь...

– В Германию?

Его взгляд снова встретился с моим, и он монотонно произнес:

– Да, его забрали около двух лет назад. Когда он уезжал, он заставил меня пообещать, что я позабочусь о матери.

Я кивнула.

– Я бы мог не послушать его, но чувствовал себя так плохо.

– Почему?

– Мы поссорились прямо перед его отъездом.

Он замолчал.

– Это было ужасно.

Я ждала, когда он продолжит.

– Я сказал ему, что мы не должны стелиться перед бошами и терпеть их. – Он остановился и вытер пот со лба. – Прости, я не должен тебя этим грузить.

– Нет, продолжай.

Я снова обвела взглядом палату, вокруг по-прежнему было тихо.

– Он просто защищал свою семью. Это было его главной целью.

– Важно хранить обещания. Твой отец бы гордился тобой.
Я дотронулась до его плеча.

– Ты делал то, считал правильным.

Он потряс головой.

– Но ведь понятие о том, что правильно, поменялось, не так ли? Мой отец не понимал, насколько плохо пойдут дела. Думаю, сейчас он бы предпочел, чтобы я сделал что-то решительное. Хочу, чтобы он гордился мной, когда вернется.

– Понимаю. Я тоже разочаровалась в самой себе.

– Никто из нас не должен быть здесь.

Он встал со стула, опираясь на здоровую ногу.

Я тоже встала. Наши лица были так близко, что я чувствовала его дыхание на своей коже. У меня побежали мурашки.

– Шарлотта, – прошептал он. – Мы лучше этого. Я точно это знаю.

Мое сердце замерло. Его присутствие было чем-то вроде физической силы, которая притягивала меня, я наклонилась к нему, на секунду закрыв глаза. Я почувствовала, как его губы коснулись моего лба. Любой, кто увидел бы на нас со стороны, подумал бы, что это отеческий поцелуй. Только я знала, что это нечто большее. Это был поцелуй возлюбленного.

Глава 16

Шарлотта

Париж, 18 апреля 1944 года

– Чему это ты так радуешься? – Мама уставилась на меня.

Я поняла, что напеваю себе под нос, и тут же прекратила.

– Тебе лучше поспешить, Шарлотта. Опоздаешь на работу. Уже шесть тридцать.

Теперь у меня появилась причина просыпаться по утрам. Я выскользнула из дома, торопясь скорее добраться до госпиталя. Мне больше не хотелось есть. Если честно, я совсем потеряла аппетит, как будто мое бешено стучащее сердце наполняло мой пустой желудок. Конечно, я заставляла себя успокоиться, пыталась не показывать свою радость, предупреждала себя, что он, скорее всего, говорит так со всеми девушками, которых встречает. Но все это было бесполезно. С ним я чувствовала себя так, будто я покидала свое тело и меняла его на тело более зрелой, более красивой женщины. Той женщины, которой я хотела бы быть. Но кроме всего этого он заставлял меня чувствовать себя смелее, чем когда-либо. Мое сердце становилось сильнее, оно билось чаще. С ним я верила, что смогу бороться за то, что правильно, и смотреть в лицо опасностям, с которыми даже не мечтала встретиться в одиночку. Мне хотелось быть отважной ради

него. Я хотела быть лучше для него.

Пока вагон метро мчался по туннелям к госпиталю, я ощущала растущее внутри предвкушение, я смотрела на уставшие, ничего не выражавшие лица пассажиров и думала: у меня есть секрет, который они никогда не узнают. Хотя, наверное, все читалось в моих глазах. Я была без ума от любви.

Сегодня он должен был покинуть госпиталь. Меня охватила радость. Я не могла дождаться момента, когда увижу его в реальной жизни, за стенами госпиталя. Мы сможем вместе гулять по Парижу, возможно, по саду Тюильри, держась за руки. Эта мысль приводила меня в восторг.

Когда я зашла попрощаться, он сидел на кровати, все еще одетый в пижаму. Он еще не успел меня заметить, но я уже поняла, что что-то произошло. Его лицо было смертельно бледным. На стуле рядом с его кроватью сидел бош. О чем они могли разговаривать? Жан-Люк слушал, а бош говорил. Я напрягла слух, чтобы уловить слова:

– ...саботаж... допрос...

Merde! Что происходит? Бош выглядел очень серьезным.

Вдруг он обернулся и посмотрел прямо на меня.

– Вы что-то хотели, сестра?

– Мне нужно измерить температуру у пациента. – Трясущейся рукой я достала градусник из верхнего кармана и протянула его, как бы подтверждая свои слова.

Жан-Люк посмотрел на меня, его глаза округлились от

удивления. Он не пожелал мне доброго утра, как обычно, а просто открыл рот. Мне бы очень хотелось удивить его поцелуем, но вместо этого я подошла ближе и положила градусник ему под язык. Бош посмотрел на нас и вздохнул так, словно ему наскучила вся эта больничная рутина.

– Я думал, ваш пациент сегодня выписывается, – он обратился ко мне.

– Так и есть.

– Тогда зачем вы измеряете у него температуру?

Я ненавидела бошей, говоривших на французском, еще больше тех, что на нем не говорили.

– Так положено, – соврала я, пытаюсь сделать свой голос твердым и равнодушным. – Я просто проверяю, что нет никакой инфекции, прежде чем отпустить его.

Я шепнула Жан-Люку:

– Вы выглядите усталым. Уверены, что готовы выписаться сегодня?

Бош посмотрел на меня.

– Он будет в порядке. Ему только надо вернуться к своей функции.

К своей *функции*? Иногда мне хотелось смеяться над тем, как они говорят. Я отвернулась и посмотрела на Жан-Люка, но его взгляд метался по комнате, не останавливаясь ни на чем определенном. Я опять заговорила, пытаюсь вести себя храбрее, чем было на самом деле:

– Ваша нога только начинает восстанавливаться. Вам надо

быть осторожнее.

На этот раз он посмотрел на меня и кивнул, но я почувствовала, что он просто хотел выбраться из этого места, не важно, лучше ему или нет.

Бош наклонился вперед и уставился на Жан-Люка.

– Это точно. Будь осторожен. Мы не можем допустить еще один такой несчастный случай. Мы просили хороших работников, а не людей, которые не могут даже нормально держать лом. Возможно, проблема в твоей инвалидности. Твоя травмированная рука недостаточно сильная, чтобы управляться с такими тяжелыми инструментами. Может, нам следует послать тебя в один из трудовых лагерей в Германии, где работа не требует особых навыков.

Жан-Люк закашлял и вытащил градусник. Я забрала его, встряхнула и снова положила ему под язык. Когда я убирала руку, то позволила своим пальцам коснуться шершавой, неровной кожи, которая превратится в шрам.

Бош снова обратил на меня внимание и сощурил глаза:

– А вы всегда так хорошо заботитесь о своих пациентах, сестра?

Я ничего не могла поделать – мои щеки вспыхнули.

Он засмеялся.

– Ха, кажется, я смутил бедную девочку.

Я достала градусник изо рта Жан-Люка, не смотря ему в глаза. Мои руки дрожали, пока я проверяла температуру.

– Ну?

Бош снова развалился на стуле.

– Может он выписываться?

– Тридцать семь градусов. – Я пыталась звучать убедительно. – Небольшая лихорадка, но он в порядке.

– Небольшая лихорадка? – Бош громко засмеялся. – Уверен, вы можете с ней справиться, сестра.

Как же ему было смешно, чертовому бошу. Я должна была взять ситуацию в свои руки. Я повернулась к Жан-Люку, на этот раз посмотрела ему прямо в глаза и сказала четко и спокойно:

– Когда вы оденетесь, я принесу вам бумаги на подпись.

Потом взглянула на боша:

– До свидания, месье.

– О, не спешите из-за меня. Я все равно уйду.

Он повернулся к Жан-Люку.

– Еще один такой проступок, и мы можем засомневаться в твоих способностях.

Он сделал паузу.

– Ты бы этого очень не хотел.

Он резко встал и отсалютовал. Нам пришлось ответить ему, все-таки мы были в немецком госпитале. Он зашагал прочь. Стук его подкованных сапог эхом отдавался в коридоре.

Как только он скрылся из виду, Жан-Люк откинулся на подушку.

– Спасибо, Господи, за это. Он хотел расспросить меня по

поводу несчастного случая.

Он замолчал и посмотрел на меня так, будто хочет сказать что-то еще.

– Мне кажется, ты только что спасла меня, Шарлотта.

Глава 17

Шарлотта

Париж, 22 апреля 1944 года

Мы договорились встретиться в шесть вечера в следующую субботу. Я не могла уснуть всю ночь, меня переполняли радость и волнение, и я ворочалась несколько часов. В субботу от нетерпения у меня крутило живот, и я почти ничего не съела. Папа объяснил отсутствие аппетита женскими проблемами, хотя у меня их и нет, и охотно доел мою еду.

Я не знала, что мне надеть. Мне нужна была одежда, которая не заставляла бы меня выглядеть как девочка-переросток, поэтому, когда в субботу утром мама ушла за пайком, я отправилась на охоту в ее гардеробную. Там я нашла твидовую юбку и пару старых черных кожаных туфель, подошвы которых были теперь тоньше бумаги, а каблуки полностью стерлись с одной стороны. Я запихала внутрь кусочки картона, надеясь, что не буду чувствовать сквозь них каждый камешек. Затем с помощью булавок набила картон в стертые каблуки и покрасила их черным цветом. Не сказать, чтобы результат меня полностью удовлетворял, но снаружи они выглядели неплохо.

Днем я сосредоточилась на себе. Взяла кусочек мыла, который припрятала ранее, и помыла волосы, добавив чайную

ложку уксуса в ведро с холодной водой перед тем, как ополоснуть их – для дополнительного блеска. Потом взяла красную краску из моего школьного набора, чтобы покрасить губы, закрепив ее капелькой утиного жира, который нашла на кухне. Без десяти шесть я была готова к выходу. К счастью, папы не было дома. Дома была только мама, она натирала что-то на газете на кухонном столе.

– Мама, я уйду в гости к Матильде.

Она обернулась. Я почувствовала, что краснею. Знала, она заметит, как я постаралась над своей внешностью.

– Ты знаешь, не люблю, когда ты ходишь по улице в темноте. Я думаю, что могу тебя проводить.

– Нет. – Я сделала глубокий вдох. – Мама, мне уже восемнадцать лет, она живет всего в двух улицах отсюда. Я могу сама туда дойти.

– Это разве не моя юбка?

Мои щеки загорелись еще сильнее.

– Но мама, мои юбки теперь мне слишком коротки, они все выше колена. Мне стыдно ходить в них перед всеми этими солдатами на улице.

– Хм, я как раз собиралась переделать ее. В ней слишком много ткани. И выглядит она вычурно, к тому же она вышла из моды.

Она фыркнула, а я задумалась, что хуже – выйти из моды или выглядеть вычурно.

– Что это у тебя на губах? Ты их покрасила! Что подумают

об этом солдаты? Пойди и смой это.

Мои щеки стали пунцово-красными, но я не могла не защититься:

– Мне просто хочется хоть раз выглядеть хорошо.

– Ты уверена, что идешь к Матильде? Кто еще там будет?

– Никто, только Матильда и Агнес.

Я выбежала из кухни, чтобы взять свое пальто прежде, чем она задаст еще какой-нибудь вопрос. Не стоило мне тратить столько времени на приготовления. Теперь я только привлеку к себе ненужное внимание.

Я будто проваливаюсь в нору, как Алиса в Стране чудес, слишком любопытная и восторженная, чтобы остановиться. Все мои мысли были заняты им. Все остальное блекло на его фоне; лишения, солдаты повсюду, все это больше ничего не значило. Пока у меня есть Жан-Люк, остальное не важно. С ним я готова победить свои страхи и тревоги. Я пойду против воли родителей и скажу им, что не могу больше работать в госпитале бошей. Вместе мы найдем силу друг в друге. Я не могла дожидаться, чтобы снова его увидеть. Каждое слово, которое он произнес в госпитале, отпечаталось в моей памяти, будто он оставлял следы в моем сознании. Следы, которые невозможно стереть.

Я шла по улице Монторгей и с грустью вспоминала, как она выглядела до того, как пришли боши. Когда-то здесь стояли цветные палатки с едой, запахи горячего хлеба и жареной курицы наполняли воздух, а мужчины в беретах сидели

на верандах кафе, курили сигары и обсуждали политику, пока их жены сражались за лучшие куски мяса и самые свежие фрукты и овощи.

Теперь вместо запаха хлеба по булыжной мостовой разносился спертый кислый запах пота – так пахнет страх. Звуки тоже изменились. Стук подкованных сапог отмечал прошедшее время, а когда гулкий топот утихал, улицу наполняла мертвая тишина.

Мне нравилось стоять около кондитерской «Шторер» и притворяться что я вернулась во времена, когда витрины были заставлены свежеиспеченными булочками с шоколадом, улитками с карамелью и воздушными круассанами. Я притворялась, что вдыхаю запах теплого шоколада и выпечки. Моя мама называла это разглядыванием витрин. Но если ты разглядываешь витрины, чтобы притвориться, будто ходишь за покупками, то что значит притворяться, что ты разглядываешь витрины?

Притворяться, что притворяешься. Вот чем мы все теперь занимались. Никто не знал, кому на самом деле можно доверять. Я вглядывалась в витрину кондитерской и старалась дышать ровнее и спокойнее. Мой живот громко урчал, но я не чувствовала голода, только радость, что снова его увижу.

И вот появился он и произнес мое имя:

– Шарлотта.

Он был таким красивым в своем длинном шерстяном пальто и отполированных туфлях.

– *Bonjour!* – Мои слова прозвучали сухо и строго, и я поняла, что не могу произнести вслух его имя.

Он поцеловал меня в одну щеку, затем в другую. Это был не один из тех поцелуев в воздухе, которыми люди обмениваются из вежливости. Я почувствовала его губы на своей коже, и сквозь меня пробежал электрический разряд.

– Прогуляемся? – Он улыбнулся.

Я почувствовала, как и мои губы сами по себе расплываются в широкой улыбке. Слова застряли у меня в горле, и мне оставалось только утвердительно кивнуть в ответ.

Он шел с тростью, а я шла рядом с ним. У него неплохо получалось для человека, который сломал ногу всего три недели назад. Он взял меня за руку. На фоне его маленькой изувеченной руки моя казалась огромной и нелепой, но я обхватила пальцами его пальцы, восхищаясь тем, что он держится так, будто у него самая обычная рука.

Он не чувствовал себя неполноценным, и это делало его сильным.

– Может, прогуляемся до Пон-Нёф?

Я кивнула:

– *Oui.*

– Как твои дела?

– Я скучала по тебе, – вырвалось у меня.

– Я тоже по тебе скучал. Не мог перестать о тебе думать. Мое сердце забилося чаще, и я сжала его руку.

Вдруг несколько солдат с другой стороны улицы перешли

дорогу и направились к нам. Я напряглась.

– Документы! – рявкнул тот, что повыше.

Жан-Люк оперся на трость одной рукой, расстегнул свое длинное пальто другой и достал документы из внутреннего кармана. Солдат вырвал бумаги у него из рук.

– Жан-Люк Бошам, Французские национальные железные дороги. – В его тоне сквозила ирония. Он протянул руку за моими документами.

Я достала их заранее и отдала, не смотря ему в глаза.

– Шарлотта де ла Вилль. Восемнадцать лет. Твои родители знают, что ты гуляешь?

– Да, – соврала я.

– Гуляешь с месье Бошамом здесь?

Я кивнула, не поднимая взгляд.

– Как романтично, встречаться вот так, в тайне.

Солдаты переглянулись и рассмеялись. Он вернул нам документы.

– Приятного вечера.

Мы продолжили идти к улице Монторгей, никто из нас не произнес ни слова, пока мы не дошли до церкви Сент-Эташ в конце улицы. Жан-Люк нарушил молчание:

– Знаешь, меня однажды остановил бош прямо здесь и спросил, Нотр-Дам ли это?

– Не может быть! И что ты ответил?

– Я сказал: да, конечно же. – Он засмеялся.

Я тоже засмеялась и почувствовала, что на сердце снова

стало легко.

– Давай зайдем.

– Ладно.

Мне не очень хотелось заходить в церковь, но я не могла ему отказать.

Внутри мы прошлись вдоль стен, рассматривая альковы и крошечные горящие свечи. Жан-Люк положил монетку в коробку, достал свечку и протянул ее мне.

– Давай помолимся, чтобы война быстрее закончилась.

Я перекрестилась и произнесла молитву про себя.

Когда мы покинули церковь, то направились через площадь к улице Риволи, затем перешли дорогу перед большим магазином «Ла Самаритэн». На Пон-Нёф почти не было людей, и мы сели на одну из круглых каменных скамеек, возвышающихся над Сеной. Я всматривалась в темную воду и вспоминала, как раньше по ней ходил речной транспорт. Теперь там не ничего не осталось, только темные изгибы волн, разбивающихся друг о друга.

– Хочешь выпить?

Он выудил из кармана брюк серебряную фляжку.

– Что это?

– Попробуй.

Я сделала небольшой глоток. Вкус был насыщенным, он напомнил мне семейные обеды из прошлого.

– Вино! Такое вкусное. Где ты достал?

– Не думай об этом. Просто наслаждайся.

Я сделала еще один глоток, и почувствовала, что начинаю нервничать. Все будет хорошо. Он смотрел на меня краем глаза. Я сделала еще один глоток – на этот раз большой – и отдала фляжку ему.

– Я принес кое-что поесть.

Он вытащил бумажный сверток и протянул мне. Я поднесла его к носу, вдыхая аромат.

– Сыр.

– Да, это «конте».

Он так здорово пах, а мой живот внезапно стал таким пустым. Я быстро развернула бумагу и провела пальцами по идеально ровному краю сырной головки.

– Ну же, ешь. – Он улыбнулся и положил руку на мое плечо.

Я откусила кусочек, и почувствовала себя так, будто впервые в жизни пробую сыр. Такой сливочный, такой насыщенный вкус. Я откусила еще и передала ему.

Он покачал головой.

– Что такое?

– Ничего. Просто мне нравится смотреть, как ты ешь.

Он погладил меня по щеке.

– Что же нам теперь делать, а?

– Когда? Сейчас? Мне нравится просто сидеть здесь с тобой. – Я положила голову ему на плечо.

– Давай потанцуем!

Он вскочил и потянул меня за собой.

Я уронила сыр на скамейку.

– Что? – Я засмеялась. – Прямо здесь?

– Да, прямо здесь.

Он положил одну руку мне на талию, а другой взял мою ладонь и поцеловал.

– Не потанцуете ли вы со мной, мадемуазель?

– С большим удовольствием, месье.

Я широко улыбнулась.

Он кружил меня, стоя на своей здоровой ноге и напевая мелодию, которую я не знала. Постепенно мы двигались все медленнее и медленнее, и я прижалась лицом к его груди.

– Шарлотта, – прошептал он мне так, что у меня по шее пробежали мурашки.

– Ммм, – протянула я.

– Эти моменты для меня очень важны.

Я погладила его спину и прижалась к нему еще сильнее.

– Когда мне грустно и я спрашиваю себя, когда закончится эта чертова война, я думаю о тебе и тут же чувствую... Это дарит мне надежду, поднимает мне настроение.

Он поцеловал меня в макушку. Затем обхватил рукой мою шею и притянул к себе. Его губы нашли мои, его язык скользнул по ним, раздвигая их. Я почувствовала, как учащается его дыхание, когда наши тела прижались друг к другу.

Кто-то похлопал меня по плечу, и я подпрыгнула от испуга. Я обернулась.

– Документы! – на меня уставился жандарм.

Пока я копалась у себя в сумке, другой жандарм оттолкнул Жан-Люка в сторону.

– Живее!

Он постукивал дубинкой по ладони. Я протянула свои документы дрожащими руками.

Он выхватил их и стал читать. Затем он посмотрел на меня, его глаза блеснули в темноте.

– Тебе не следовало бы шататься по улицам и вести себя как шлюха.

Я не знала, что ответить.

– Я мог бы отправить тебя на допрос. Хочешь переубедить меня?

Я не знала, что сказать в свою защиту. Просто беспомощно посмотрела на Жан-Люка. Он о чем-то оживлённо разговаривал с другим жандармом.

– Ну, переубеди меня!

– Еще... еще не наступил комендантский час.

– Ха, – он засмеялся, – еще нет. Так что поторопись-ка домой, Золушка. Беги домой.

Он отдал мне документы.

Я повернулась к Жан-Люку, но не могла поймать его взгляд в темноте, а он все еще говорил с жандармом. Я замешкалась.

– Иди домой, Золушка, не жди своего принца.

Злобная улыбка жандарма меня пугала.

– Ну! Пошла домой! Живо!

Я пошла прочь, чувствуя, как кровь пульсирует у меня в жилах. Я не посмела обернуться. Что они сделают с Жан-Люком? Я повторяла себе, что это просто жандармы. Они же не работают на гестапо. Что они могут сделать, если он ничего не нарушил? Конечно, они не могут арестовать его за поцелуи. Я пыталась убедить себя, что все будет в порядке. Что он вернется за мной. Но в те дни ни в чем нельзя было быть уверенным.

По пути домой я снова зашла в церковь и зажгла свечу, молясь о том, чтобы его отпустили и мы вновь могли увидеться.

Глава 18

Жан-Люк

Париж, 22 апреля 1944 года

Дай слабому человеку немного власти, и он обязательно начнет ею злоупотреблять. Жандармы были лучшим тому примером. Жан-Люк обрадовался, когда увидел, что Шарлотта уходит, но теперь ему предстояло разбираться с ними. И хотя у них не было никаких оснований, чтобы арестовать его, он знал, что они направят против него те немногие полномочия, что у них имелись.

– Недостойное поведение!

Жандарм, который задержал его, засмеялся.

– Если бы мы дали им еще пять минут, то могли бы их арестовать за это!

Жан-Люк достал пачку сигарет «Житан» из кармана брюк и предложил говорящему.

– О, если бы мне повезло, возможно, вы бы могли задержать меня за это. Но это ведь Франция! Наш долг – чтить женщин.

Атмосфера тут же поменялась. Жандарм засмеялся и достал сигарету. Жан-Люк предложил пачку второму, а затем прикурил им обоим своей серебряной зажигалкой, которая досталась ему от отца. Затем, чтобы скрепить негласный

братский договор, он вытащил сигарету и для себя.

– Вы же не можете арестовать мужчину только за то, что он немного повеселился? Я только что вышел из госпиталя. Получил травму ноги и лица.

Он потрогал свой шрам.

– Она была моей медсестрой.

– Неплохо! – Жандарм выпустил клубы дыма в сторону Жан-Люка – Готов поспорить, она хорошо позаботилась о тебе.

– Еще бы.

Жан-Люк засмеялся. Они присоединились, а после, поговорив еще немного о женщинах, отпустили его домой. Жан-Люк посмотрел на часы – оставалось всего тридцать минут до комендантского часа. Как раз хватит, чтобы дойти до дома. Сегодня ему не хотелось ехать на метро, надо было подумать. Если честно, ему хотелось думать о Шарлотте. Шарлот-та. Шарлот-та. Он с нежностью произносил про себя ее имя, гадая, что в ней так сильно его привлекает. Возможно, это были противоречия, которые он находил в ней: уверенность, смешанная с нерешительностью, наивность, сменяемая дерзостью. Он чувствовал, что в ней есть храбрость, о которой она еще не догадывается. Он думал, что ее подавляло строгое воспитание родителей, при котором у нее почти не было возможности выражать свои мысли. Она походила на бабочку, которая еще не до конца высвободилась из своего кокона, чьи красивые крылья еще не успели расправить-

ся. В ней было то, что он, как ему казалось, давно утратил. Надежда. Жажда жизни. Это чувствовалось в ее голосе, когда она говорила. И в ней была готовность поделиться этим, вложить это в его недостойные руки, ожидая, что он примет этот дар и воспользуется им.

А еще было что-то в ее манере держаться, что-то трогательное в том, как она задирала подбородок, будто пытаясь казаться более уверенной, чем есть на самом деле. Ему нравилось смотреть на нее в профиль. На ее идеальный профиль: умный лоб, не слишком маленький и не слишком большой, длинные шелковистые ресницы, порхающие над темно-коричневыми глазами, их радужка была лишь на тон светлее ее больших зрачков. У нее был прямой нос, возможно, чуть длиннее идеального, но это делало ее даже более совершенной в его глазах.

Жан-Люк повернул налево и пошел вдоль набережной, разглядывая закрытые кафе и бары. Сейчас, за двадцать минут до комендантского часа, улицы пустовали, времени у него оставалось в обрез. Искушал ли он судьбу? Хотел ли, чтобы его арестовали? Все что угодно, лишь бы не работать в Бобиньи. Теперь у него было еще меньше шансов выбраться оттуда. Он вызвал подозрения, поэтому ему еще долго не удастся сделать что-нибудь. Теперь надо смириться и продолжать работать. Но как это возможно? Может, ему просто исчезнуть; даже это лучше, чем работать на бошей. Он мог бы сбежать в деревню, попытаться отыскать Маки, прятаться

в холмах. С его знанием железной дороги он мог бы помогать им пускать под откос поезда. Но кто тогда позаботиться о его матери? Кто будет приносить ей хотя бы немного денег?

Он подошел к Нотр-Даму на острове Сите. Собор светился в темноте, он существовал вне времени и был абсолютно безразличен к войне. Жан-Люк подумал о том, чтобы зайти и зажечь свечу, но близился комендантский час; да и ему не нравились эти нависающие горгульи, наблюдающие за тем, как ты проходишь внутрь. Их предосудительный взгляд. Так что он пошел дальше. В эту ночь ему хотелось быть одному в темноте, в этом городе, который когда-то принадлежал ему.

Глава 19

Шарлотта

Париж, 28 апреля 1944 года

Я вздохнула, глядя как наша горничная Клотильда наре-
зает большой кусок брюквы.

– Не вздыхай так, Шарлотта.

Мама наклонилась, заглянула под кухонную раковину и
вытащила оттуда сверток.

– Сегодня на ужин голубь. Пьер убил двух сегодня днем,
и я выменяла одного на последнюю горсть сахара. – Она за-
молчала и посмотрела на меня. – Голубь – это то, что тебе
нужно. Только взгляни на себя. Ты еще бледнее, чем обычно.

Я взяла у нее газетный сверток и заглянула. И действи-
тельно, мертвый голубь лежал внутри, с головой и лапками.
Я завернула его и положила на кухонный стол перед Кло-
тильдой. От вида мертвой птицы меня затошнило. Должно
быть, я снова вздохнула.

– В чем дело, Шарлотта? – Мама хмуро посмотрела на
меня.

– Ни в чем.

– Нет, что-то точно происходит. Ты всю неделю витаешь
в облаках.

– Это все война. Я сыта ею по горло.

– А ты думаешь, что мы все нет? Но она ведь не может длиться вечно.

– Но что будет с теми, кто исчез? Они вернутся? Все эти евреи, которых арестовали?

Клотильда оторвала глаза от решетки и сурово посмотрела на меня. Мама нахмурилась еще сильнее.

– Я надеюсь.

– Надеешься? Не похоже, что ты веришь в то, что они вернутся.

– Мы ничего не можем с этим поделать, Шарлотта.

– В каком смысле?

– Это не в наших руках. Лучше не думать об этом.

– Очень сложно не думать об этом!

– Когда ты станешь старше, Шарлотта, ты поймешь, что некоторые вещи ты не можешь изменить, поэтому лучше просто смириться с ними и принять.

– Но что, если они неправильные?

– Это не важно, если ты не можешь их изменить.

– Скажи тогда, а ты знаешь? Знаешь, что они делают с этими евреями?

– Нет, я не знаю! Просто радуйся, что ты не еврейка.

– А что ты скажешь про семью Леви, которую мы знали? Ты не хочешь узнать, что произошло с ними? Увидим ли мы их еще? Мадам Леви была твоей подругой.

– Да, она была моей подругой, и мне грустно осознавать, что они теперь, возможно, где-то очень далеко отсюда.

– Но где, мама? Куда они делись?

– Шарлотта! Прекрати! Я не знаю, куда они делись!

Клотильда продолжила сверлить меня взглядом. У меня было ощущение, что она хочет что-то сказать, но просто не уверена, насколько это уместно.

В тот вечер мы ели наш суп из голубя в тишине. В маленькой комнате было слышно только, как мы жуем и проглатываем ужин. Мои родители вычистили свои тарелки пальцами – хлеба не осталось. Я посмотрела в свою тарелку с серым бульоном – на поверхности плавали крошечные косточки и отодвинула ее.

Папа удивленно взглянул на меня, придвинул к себе мою тарелку, поднес ее к губам и отхлебнул.

Прежде чем пойти спать, я нашла слово «коллаборация» в старом школьном словаре. Словарь гласил: *«сотрудничество с вражескими захватчиками, или совместная работа над общим проектом»*. Получается, что французская полиция сотрудничала с немцами, но это я и так знала. Но где же конец этому? Насколько можно было судить, все сотрудничали с врагом – возможно, не по своей воле, но все-таки делали это: подавали бошам блюда в ресторанах, пока сами голодали, помогали им найти нужный адрес, отходили с дороги, чтобы дать им пройти.

Иногда люди были только рады сотрудничать, например, те, что приветливо улыбались перед тем, как донести на тебя. Хотя большинство доносов делали в письменном виде.

Письма были безопаснее. Всегда ходило много слухов о том, кто кого сдал и что они получили за это.

Однажды днем мы гуляли с другом и увидели, как соседу, которого мы едва знали, выстрелили прямо в спину, когда он убегал от патруля, проверяющего документы. Все вокруг спрятались за приподнятыми воротниками и поспешили по домам. Разве это не было коллаборационизмом? Притворяться, что ничего не случилось?

Еще были эти женщины – я уверена, что они не выдавали никаких государственных тайн и не строчили доносов. Они, наверное, просто хотели получить дополнительные пайки для своих семей; может, кто-то из них и в самом деле влюблялся. Я бы не осмелилась сказать это кому-то вслух, даже своим друзьям, но некоторые солдаты были вполне обычными и симпатичными.

Один из них однажды улыбнулся мне, и мое сердце забилось быстрее, я поспешила прочь. Не уверена, был ли причиной тому страх или восторг от мысли, что красивый мужчина мне улыбнулся.

В любом случае, наше правительство приказало нам сотрудничать. Они приказали нам вступить в сговор с Германией, чтобы вместе мы смогли построить более сильную, единую Европу.

Когда немецкие войска маршем шли по Елисейским Полям, папа повел меня посмотреть.

– Это исторический момент, – сказал он. – И мы должны

увидеть его своими глазами.

Некоторые люди махали флагами, приветствуя высоких солдат, одетых в нарядную форму темного цвета. Другие молча стояли вокруг, прикусив губы. У папы не было флага, его лицо оставалось мрачным.

– Нам придется быть очень осторожными, – прошептал он мне на ухо.

А я не могла оторвать глаз от танков, грузовиков и солдат, не понимая, что я должна сейчас чувствовать и с чем именно мне надо быть осторожной. Но с того момента прошло уже четыре года, мне тогда было всего четырнадцать. С тех пор много всего произошло.

Глава 20

Жан-Люк

Париж, 29 апреля 1944 года

Жан-Люку не терпелось увидеть Шарлотту в следующую субботу. Он выиграл немного времени, проработав еще одну неделю в Бобиньи. Он знал, что девушка беспокоится о нем, и знал, что она будет ждать его около пекарни «Што-рер» в шесть вечера в субботу. В этот раз он расскажет ей о своем намерении присоединиться к Маки. Может, захочет пойти с ним. Он верил, что ей хочется уйти из немецкого госпиталя, она хочет сделать что-то большее. Жан-Люк был уверен, что она отважная и смелая, просто еще не понимает, насколько. Это казалось возможным. Все было возможно – стоило только поверить. И Шарлотта помогла ему поверить. Она заставила его вспомнить времена, когда он был полон жизни и радости, когда мог позволить себе надежду.

В тот вечер Жан-Люк сидел в поезде до Парижа, прислонившись лбом к твердому холодному стеклу, и вглядывался в ночные пейзажи.

Пустые непаханные поля, оставленные на растерзание птиц, смотрели на него из темноты. От скота не осталось и следа – все съели боши, они любили есть бифштексы средней прожарки. Почему мы не постарались защитить свою

страну? Теперь Франция разобщена и разделена, брат против брата. Когда эта война закончится, он знал, что придет время разбираться с этим, пострадают семьи.

Шарлотта стояла там именно так, как он себе представлял, разглядывая пустые витрины пекарни. Он замер, надвинул шляпу на лоб и стал наблюдать за девушкой. Руки были спрятаны в карманы пальто, от этого оно растягивалось по бокам и обтягивало фигуру, подчеркивая ее тонкую талию. Ноги голые. Ему было жаль девушек, у которых не осталось колготок. Мужчины хотя бы могли носить брюки. Шарлотта заправила непослушную прядь волос за ухо. Как ему хотелось сделать это за нее. А второй рукой схватила за живот. Он догадывался, что она все время хотела есть, и его переполнила жалость. Если бы он только мог отвести ее в ресторан и смотреть, как она наслаждается полноценным обедом. Жан-Люк и сам был голоден, но на этот раз ему не удалось ничего припасти. Он сделал шаг назад, вытащил кошелек и пересчитал тонкие, потрепанные банкноты. Если бы ему не пришлось давать матери деньги в это воскресенье, тогда он мог бы оплатить ужин на двоих в кафе. Эта мысль обрадовала его. Один разочек, подумал он. Жандармы не будут беспокоить их в кафе, и они смогут как следует все обсудить.

Жан-Люк убрал кошелек в карман и пошел к ней навстречу. Она обернулась и посмотрела прямо на него. Он обнял ее и поцеловал в губы. Она, кажется, удивилась; ему передалось ее напряжение, и он отпрянул.

– Шарлотта, сегодня я веду тебя на ужин.

– Что?

Он убрал ее волосы и прошептал на ухо:

– Да, я тебя приглашаю.

Жан-Люк взял ее за руку и потянул за собой.

– Что произошло тогда с жандармами?

– Ничего, угостил их сигаретами, и они меня отпустили.

– Слава богу. Я так переживала.

Она поцеловала его в щеку.

Продолжая идти по мощенной булыжником улице Монтрей, они высматривали кафе. И вскоре притормозили у небольшого ресторанчика на углу.

– Что насчет этого? Он нравится мадемуазель?

– Я... Я не уверена. – Она наклонилась к его уху. – Кажется, папа говорил, что здесь едят коллаборационисты.

– Коллаборационисты? Может, так даже лучше.

– О чем ты?

– Иногда лучше оказаться прямо в логове врага.

– Но что, если кто-то увидит нас здесь?

Он осмотрелся.

– Вокруг никого нет. Скорее.

Жан-Люк прошел в кафе и придержал дверь для Шарлотты.

Когда они оказались внутри, двое пожилых мужчин в плоских кепках, склонившихся над своими бокалами с красным вином у стойки бара, обернулись и посмотрели на них.

Тот, что пониже, поднял свой бокал и подмигнул им.

– Доброго вечера, месье. – Жан-Люк выдавил фальшивую улыбку и почувствовал, как напряглась Шарлотта.

Прошла минута, но никто не подошел, чтобы посадить их за стол, и он начал думать, не было ли слишком безрассудным выбрать именно этот ресторанчик. Его взгляд приковало декоративное позолоченное зеркало, висящее над стойкой, они оба отражались на его грязной поверхности. Шарлотта, стоящая рядом с ним, выглядела маленькой и испуганной. Он обнял ее и, когда их глаза встретились в зеркале, подмигнул. От него не скрылось, как тревога в ее глазах исчезла, и девушка улыбнулась ему в ответ.

Мимо проплыла официантка с кувшином вина и несколькими стаканами.

– Присаживайтесь. Я сейчас подойду.

Он осмотрел узкое помещение ресторанчика. Большая барная стойка занимала почти все пространство, перед ней стояла только пара столов. Еще несколько маленьких круглых столиков стояло в дальнем конце зала, там царили полумрак и уединение. Жан-Люк взял Шарлотту за руку и прошел к одному из них, как можно дальше от пары, которая тоже сидела в зале. Он пододвинул ей стул, забрал у нее пальто, потом снял свое, и они сели.

– Чего бы тебе хотелось съесть, Шарлотта?

– Я не знаю. Я так давно не была в ресторане. А что тут есть?

Он улыбнулся.

– Это обычное кафе. Хочешь мяса?

– Да, можно.

– *Mademoiselle, s'il vous plaît*, – он подозвал официантку.

Звучал он гораздо увереннее, чем чувствовал себя.

– Месье?

– Два стейка и небольшой кувшин красного домашнего.

– Сегодня нет стейка.

– А что есть?

– Крок-месье, киш, салат из цикория.

– Шарлотта, что ты хочешь?

– Крок-месье, пожалуйста.

– Два крок-месье, мадемуазель, и полкувшина красного домашнего.

Официантка ушла, никак не показав, что слышала его. Он надеялся, что она не станет плевать им в еду. Сам бы, наверное, он так и поступил, если бы думал, что обслуживает коллаборационистов.

Спустя несколько минут она вернулась и поставила на стол небольшой графин и два бокала. Официантка не стала разливать вино, но оставила им блюдо с оливками. Жан-Люк предложил их Шарлотте и стал наблюдать, как она аккуратно кладет их между зубов, впивается в блестящую кожуру, затем достает косточку и кладет ее на край блюда рядом с другой, которую только что он вынул из своего рта. Он внимательно наблюдал за ней и гадал, думает ли она о том

же, о чем и он.

– Я не ела оливки с тех пор, как... Должно быть, мне было четырнадцать или пятнадцать, мы тогда все еще ездили в Прованс в августе.

– Как здорово. Я никогда по-настоящему не уезжал из Парижа. Как тебе Прованс? – Он налил им по бокалу вина.

– ...Купается в солнечном свете, и если поехать туда в июне, можно увидеть бескрайние поля фиолетовой лаванды. Там выращивают все: подсолнухи, которые тянутся к восходящему солнцу, и поля оливковых деревьев с серебряными листьями.

– Свозишь меня туда когда-нибудь?

Он поднес бокал с вином к свету, прежде чем вдохнуть его аромат; их глаза встретились.

– За нас в Провансе, – прошептал Жан-Люк.

Шарлотта покрутила бокал, будто сомневаясь в том, стоит ли ей пить.

– Попробуй. – Жан-Люк сделал глоток. – Оно не плохое – для домашнего вина.

Она поднесла стакан к губам и осторожно сделала глоток.

– Приятное.

Шарлотта облизнула губы.

Снова вернулась официантка и, не сказав ни слова, поставила перед ними тарелки. У Жан-Люка заурчало в животе при виде сочного сыра на поджаренном хлебе.

Глаза Шарлотты расширились.

– Выглядит вкусно.

– *Bon appétit.*

Жан-Люк смотрел, как она взяла нож и вилку и отрезала небольшой кусочек. Затем, прямо перед тем, как положить кусочек в рот, она остановилась и посмотрела на него.

– Спасибо, Жан-Люк.

– Не за что. Я бы хотел сделать для тебя еще больше. Когда закончится война, я отведу тебя в особенное место.

– Это место особенное.

Она взяла еще кусочек.

– Как же здорово есть нормальную еду.

Жан-Люк с радостью наблюдал за ней. Девушка сделала еще один глоток вина и украдкой посмотрела на него.

– А ты разве не голоден?

Он улыбнулся и посмотрел на свою нетронутую еду.

– Прямо сейчас мои мысли заняты другим. – Он наклонился к ней. – Я скучал по тебе, Шарлотта.

Она слегка улыбнулась, ее глаза засияли.

– Как сильно?

– Вот так.

Жан-Люк дотронулся до ее щеки.

– Как твои дела?

– Я скучаю по времени, когда могла видеть твою улыбку каждый день.

– А я скучаю по твоей. Больше, чем ты можешь себе представить.

– Давай поедим, – добавил он после паузы.

Они ели в мирном молчании, наслаждаясь вкусом настоящей пищи.

– Как дела в госпитале?

Жан-Люк не собирался заводить разговор об этом, но слова сами слетели с языка.

Улыбка исчезла с ее лица.

– Мне надо уйти оттуда. Неправильно там находиться. Мне просто нужно собрать всю смелость и сказать об этом родителям.

Она с тревогой осмотрелась по сторонам, словно кто-то мог ее услышать.

– Не переживай, никто не слышит. Но не расстраивайся так из-за этого. Мы все в той или иной мере стали их сообщниками.

– Что ты имеешь в виду?

Она нахмурила брови.

– Ну, мы позволяем им брать нашу еду, наше вино, наши земли, наши дома. Трудно – даже невозможно – обычным гражданам вроде нас идти против военного присутствия немцев здесь; не так уж много можно сделать в одиночку.

Он подлил ей вина, хотя она выпила всего пару глотков.

– Да, но мы ведь должны хотя бы попытаться сделать что-то, разве нет?

Жан-Люк кивнул.

– Ты ведь знаешь, где я работаю?

– Не совсем... Не думаю, что ты мне говорил.

Он потер глаза и оглядел кафе. Пока они сидели здесь, никто больше не заходил, а те двое мужчин уже ушли, осталась только одна пара в нескольких столах от них. Но они были больше заинтересованы друг другом, чем происходящим вокруг. Он наклонился ближе к Шарлотте и понизил голос:

– Я работаю в Бобиньи, это станция в Дранси – лагере, откуда увозят всех евреев.

Он сделал большой глоток вина. Протерев губы тыльной стороной ладони, он продолжил:

– Шарлотта, они их увозят тысячами, и мы не знаем, куда их везут.

– Разве их отвозят не в трудовые лагеря в Германии?

Он покачал головой.

– Мне кажется, их отвозят куда-то очень далеко и потом... потом избавляются от них.

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Прости, Шарлотта. Я не хотел об этом говорить.

Он обхватил голову руками.

Шарлотта потянулась к нему и дотронулась до его руки.

– Скажи мне, что ты имеешь в виду.

Жан-Люк не знал, стоит ли ему продолжать. Возможно, лучше говорить на отвлеченные темы. Он мог бы разговаривать о ней, делать ей комплименты, как в госпитале. Это было весело, но его ум сейчас занимали более серьезные вещи. Время несло так быстро, что было не до флиртов.

Он посмотрел прямо в ее темно-карие глаза, желая, чтобы их разговор был совсем иным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.